

# Смена

№ 16 АВГУСТ 1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

## ЗНАКОМЫЕ ЛИЦА

ИЗ КАБАЧКА  
«ИЗ СТУЛЬЕВ»



Твоя пропаессия



# ТРИДЦАТЬ МИНУТ ДО ОТКРЫТИЯ

Алексей ВЛАДИМИРОВ,  
Альберт ЛЕХМУС (фото)



**«Направить в течение пятилетки по комсомольским путевкам в торговлю и потребкооперацию не менее 1 миллиона, в бытовое обслуживание и коммунальное хозяйство не менее 500 тысяч комсомольцев и молодежи».**

Из постановления IV Пленума ЦК ВЛКСМ

#### 9 ЧАСОВ 30 МИНУТ УТРА.

Минск. Комсомольско-молодежный универмаг на проспекте Ленина.

Когда-то, сказывали, магазин был совсем маленький барбер-шоп, никогда не поселившись в этом просторном зале, заполнив его весь — от потолка до отверзленного пола. По гладкой его поверхности въезжали через широкие двери склады телевизоров на разноместном ходу, высоко нагруженные тюками, коробками, ящицами.

Разворачиваясь, телевизоры останавливаются у прилавков, и тогда из чрева коробок и ящиков продаются, удивительно похожим на фантиков, достают цветные платки, врие свитеры, игрушки, бамбуковые спинники, фланкеры духов, охотовичные сапоги, детские пинетки, пальто, телевизор с монитором, и вновь въезжают, пока час застегивается солнечной пущей. А среди фантастического временя, как актеры в декорациях, двигаются люди, легко и привычно ориентируясь в этом не обретшем еще жизнь мире. Она начнется через полчаса, когда ровно в 10.00 распахнутся стеклянные двери универмага «Минск».

— Ну что же, говорите, все это напоминает театр! Ну что же, продавцы, если хотите, такое сравнение.

Каждый новый театр начинается всегда с идеи. Так вот, наш магазин тоже возник из идеи... Это говорит

работница магазина Алла Владиславовна Бобок, которая согласилась быть гидом в нашей тридцатиминутной экскурсии.

Действительно, у истоков рождения магазина бывало время. Они склонились к тому, чтобы сломать традиционное, застывшее представление о продавце: снял с полки, отмерил, выписал чек, завернул — и с Богом. Но, как известно, отказаться от старой философии — подделка. Нужна новая, отвечающая требованиям времени. К чему же в таком случае сводится приобретение товаров, которую «выступают» молодые рабочины нового универмага?

Поток, взоргасав, выраженных убежденно и бескомпромиссно, которых наперебой буквально засыпают нас молодые продавщицы, решительно неубеждено, что двух мнений на этот счет просто быть не может. «Современный продавец — это советчики, консультанты, если хотите, наставники покупателя».

Кстати, именно такая формализированная записана в условиях конкурса на лучшего продавца. Этот конкурс — явление в магазине постоянное благодаря заботам комсомольской организации универмага. И все же нельзя было не спросить:

— Не слишком ли много функций для столь традиционных профессий?

— Нет! — отвечает Светлана Кузь-

#### ЗАЛЫ УНИВЕРМАГА «МИНСК» СВЕТЛЫ И ПРОСТОРНЫ.

ОДНА ЭЛЕКТРОВЫБОТНЫХ ПРИБОРОВ. ПОКУПАТЕЛИ СМОГУТ УВИДЕТЬ, КАК РАБОТАЮТ КОФЕЙНЫЕ МЕЛЬНИЦЫ, ХЛЕБОРЕЗКИ, ПОРТАТИВНЫЕ ГАЗОВЫЕ ПЛЕНКИ...



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

## СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года  
Выходит два раза в месяц

№ 16 [1062]  
АВГУСТ  
1971



Наташа ОБЛОЖКА:  
Актриса Наталия СЕЛЕЗЬНЕВА.

РЕПОРТАЖ О ТЕЛЕВИЗОНЕ-  
НОМ КАБАНЕЦЕ 13 СТУПЕЙ.  
ЧИТАЙТЕ НА СТРАНИЦАХ  
20-21.



4.

«ЗА» И «ПРОТИВ»  
ДИРИЖАБЛЯ.

Виктор ИЛЬИН.  
Рассказ «ТРЕЩИНА».



12.

«КРАСОТА  
РОДНОЙ ЗЕМЛИ».  
Леонид ПЛЕШАКОВ.  
Очерк «ПОЛЦАРСТВА  
ЗА КОНЯ».



24.

ПЕРИКЛ  
и «ЗОЛОТОЙ ВЕК».  
Венгерский журналист —  
в «Смене».



В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

КАУНАС — ГОРОД, ГДЕ УЧАТСЯ ВСЕ.

РЕПОРТАЖ  
«СТАРТ НА ТРАКТОРОДРОМЕ».

«СИЛУЭТЫ».  
ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ.

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашкин, Г. П. Елисеев, А. П. Купрешов, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, Г. В. Семёнов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], В. Е. Томашкович.

Художник Г. С. Торзибашвили. Технический редактор Н. И. Будкина.

СМЕНА 1

ко, продавщица отдела готового платья.

Из дальнейшего разговора вырисовывается портрет современного продавца в интерпретации, так сказать, наших собеседников — советника, консультанта, наставника и — больше того — воспитателя вкуса покупателя. Да, да, из всего эмоционального общения, беседы «выяснились», что продавец, как минимум, должен обладать отменным вкусом. Хотя бы на тот случай, если покупатель, скажем, предпочтет приобрести пальто или костюм, рукава которого по старинке оставляют открытыми только кончик пальцев. Вот тогда-то нужно, чтобы продавец очень даже неточно [наши собеседники подчеркивают это слово] объяснял покупателю, почему делать этого не следует...

#### 9 ЧАСОВ 40 МИНУТ.

Коробки и ящики, теперь уже пустые, снова погруженные на тележки и скрываются за широкими дверьми складов. Спинники уже разложены, поставлены и походят теплая из баковую руку. Сотрудники с разными фонариками, дужами, в волосистых пиджаках, красным огнемоком теплится в глазах плюшевые медведи, ложатся на лакированные носки туфель, и только эмблема пальто угрюмо молчит, не принимая ни яркого солнца, ни всей этой деловой сути, когда девушки в форменных пиджаках деловито и приветливо гавоят послевременное хозяйство.

Реклама — двигатель торговли! Нас тоже волновала и сейчас волнует проблема рекламы.

Анна Владиславовна подводит нас к отделу, название которого звучит, пожалуй, несколько странно — «Шеик Сами»: ко мне, конечно же, забыли об этом, тотчас же, как только покинули, что это за штука.

Все началось с того, что в отделе тканей осталась (как это, впрочем, и должно было) куски, которые настолько малы и неудобны, что не годятся на что-либо, кроме как на обивку диванов. Тогда с помощью друзей из друзей-издателей десяти фасонов платы, которые, как показали модельеры, можно хорошо и красиво шить из остатков различных кусков ткани. Это, так сказать, чистая экономика. Финансовая сторона операции говорит сама за себя: сшить, например, клотчо-бумажное платье из кусков обивается, как правило, гораздо дешевле, чем в двадцатьчетыре раза дешевле, а приобрести такую же матернию в раскрашенном уже виде в магазине и сшить на домашней машинке — всего пять рублей. Так родилась идея, но идея нужна, дата жизни. Энтузиасты пошли, что называется, в ногу с народом, и вскоре в отделе появился колхоз. Через несколько дней пришлося создать отдел «Шеик Сами». Сейчас он один из самых многоцелевых.

Как видите, покупатель доволен и магазин не в нахлебе...

#### 9 ЧАСОВ 50 МИНУТ.

Наконец, солнце, совершая свой ежедневный круговорот, подходит к тому времени, когда мелодии становятся громче, тембр же светлый, веселый, как утро, звучит на всех этажах универмага: «Да открыты магазина остаётся десять минут!» Это значит, что последний глянец наведен в каждом хозяйстве и пора подумать о себе. У зеркала, будто много давно... Но, конечно, все это неожиданно: магазин, душа от солнца взглянув сквозь новинные стекла на огромный город, который весь в этот час в веселом утреннем движении. Через несколько — теперь уже самых последних — минут часть этого веселого движения большого города вольется



ПРОДАВЩИЦЫ СВЕТЛАНА КУЗЬКО И ЛАРИСА БАРАШКО ГОТОВЫ ДЕМОНСТРИРОВАТЬ ПОКУПАТЕЛЯМ НОВЫЕ МОДЕЛИ ПЛАТЬЕВ.

в наполненные солнцем залы магазина. Чрез несколько минут...

— Ну, коли вы не спорите, что цель нашей работы — это продажа товаров, то вам, конечно, понятно, что должны помочь тебе, чтобы ты покинула нашу форму торговли. Вот, познакомьтесь... — Анна Владиславовна подводит нас к продавщицам отдела женского пальто. — Лариса Барашко и Шура Третинникова. Они окладили второй профессий — стали маникюристами.

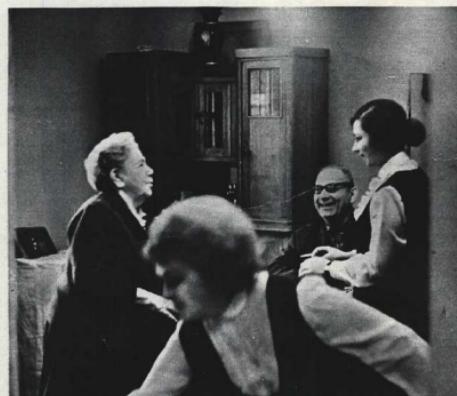
Что же вас заставило?

— Жизнь — быстро отвечает Лариса, и чувствуется, что ей не в первый раз приходится отвечать на подобный вопрос. — А в общем, если серьезно, то мы мысленно ставили на место покупателя. Представляем, пожалуйста, к нам покупателя, который приходит с собой вот этих ходячих в больницах и хороших, в деревенских пальто на плащиках. Прой-

дет, посмотрит и не купит. Не купит потому, что у него вполне естественное желание увидеть, как выглядят товары в магазине, а не на полках магазина. Тогда мы и подумали: а почему бы в магазине не устраивать показы?.. Ну вот вам и вторая профессия.

Весьма своеобразная форма торговли была «открыта» и в отделе электробытовых приборов. Здесь обратите внимание, что здесь «открыты» не означают, что там, где они находятся, только потому, что покупатель не знает их истинных возможностей. Словами и объяснениями всегда найдется путь к покупателю, ибо, как гласят восточные мудрости, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Тогда решим, что приборы нужно поместить в другой зал, а это значит, что на глазах покупателя стиральная машина должна стирать белые, корейские мельницы — мороженое, кофе, портативная птичка — кипятить чай... «Так наш отдел из музея

«КОРОВЕЙНИКИ». ОЛЬГА ГАНЕНКО И ТАТЬЯНА ЕВСЮК — ЧАСТНЫЕ ГОСТИ В ДОМАХ ПОКУПАТЕЛЕЙ-ПЕНСИОНЕРОВ.



техники превратился в действующую рекламу. Покупатель доволен, а для нас это — лучшее возраждение...»

Есть в университете и свои «коробейники». Ольга Ганенко и Татьяна Евсук. Они тоже сумели поставить себя на место покупателя и пришли к выводу, что не каждому легко ходить в магазин за всякой мелочью, и в этом случае продавца есть, скажем, возможность помочь покупателю. Должно быть, потому их и зовут в шутку «коробейниками», что они, как говорят, продают ботинки — что угодно для души. Но дело это совсем не шуточное. Своим подиумным покупателям — а это инвалиды войны и пенсионеры — девушки приносят радость все, что было заказано по телефону.

— Что же это за меня — говорит наша гостья, — я человек — старуха которая приближается к десети, — то я каждый день убеждаюсь, что работа продавца современного университета — работа творческая. Если, конечно, относиться к делу с любовью. Есть где проявить и ум и фантазию.

Послушавшись, вспомнили остроумную историю про продавца, должен быть и цвет, и цвет и лист, и не буде играть. Этакий «седы в трех лицах». Алла Владиславовна искренне удивляется:

— Так ведь к этому мы и стремимся! Отметить арифметичной да завернуть в бумагу — дело нехитрое, и между тем, что я могу предложить, и тем, что я не могу предложить, — есть разница. Степень умения у меня, конечно, не такая высокая, как у актера, и я не могу, скажем, в театр, давайте мы к законам. Окончил студию, актер приходит в театр и играет, играет хорошо, но согласитесь, что если через десять лет он будет знать о своем искусстве не больше, чем сегодня, грош цена таланту актеру. Я помню, профессия прокурора, — это же интересно! — это же интересно! — это же интересно! — и то же обиднейшие же их дополнительные — творческие отношения к делу. Так почему же молодой продавец имеет право остановиться в знаниях своего мастерства, в знаниях его дела, с которым он сталкивается ежедневно и на что ежедневно надеется? — Да, конечно, это было уже давно вошло в норму, что продавец, окончивший курсы или даже горячий технический курс, должен учиться. Учитывая всю жизнь. Для этого у нас и организованы школы рабочего мастерства.

Этот школы, понятным стало, почему девушки из универмага «Минск» так смело представляют требования к профессии, представителями которой они сами являются — советчики, и консультанты, и воспитатели вкуса.

Понятно, что обладать всем этим можно, когда твои профессиональные знания повышаются ежедневно. И это не пустые слова: в школе при университете «Минск» не год, не два, не десять лет, а постоянно. Здесь имеют дело с такими курсами, как эстетика, культура торговли, принципы самообслуживания. И, конечно, с курсами практическими. Вчера химик, сегодня — консультант, и вот матерщин сегодня его запускают в производство и разрабатывают технологии для промышленного применения, чтобы делать то, что называют товарами широкого потребления, а завтра ученики школы идут на завод или на фабрику, чтобы доказывать, что они изучили то, что послезавтра они будут рекомендовать покупателю. Людям...

— Мне кажется, у нашей школы есть будущее...

#### 10 ЧАСОВ 50 МИНУТ.

Именно в этот час, минут в минуту, распахиваются стеклянные двери универмага «Минск», и десиний голос, разносынские динамики, весело звучат в наполненных людьми и солнцем зале: «Добро пожаловать, дорогие товарищи покупатели!»

## Стихи о далеком друге

Даленый друг пшеницу сеет в поле,  
Он рубит уголь, строит новый дом.  
Даленый друг и мой нешуточный дол.  
Причастен, сам не ведает о том.

Его лицо — в морских соленых  
брзыгах,  
В горячих красных бликах — при  
огне.  
Даленый друг, даленый он и блажен:  
Он не предаст, он не изменит мне.

## Воспоминание

Помню в детстве портретов

Четкий ряд на стенах.  
— Эти люди... — пытал я, —  
Кем приходится мне?

Как-то маму я, помню,  
Тормозила не спеша:  
— Это я, — говорила она.  
— Это я! — говорила я.  
Это дядюшка твой,  
Тот, которого нет...  
— Это я!  
— Это Пушкин.  
— Мне-то кто он?  
— Пост...

Никогда не забудутся  
эти слова:  
Мне казалось:  
поэт —  
это степень родства...

## В дороге

Вспомниво, в вагоне, в дороге  
Привычно мне горько позт:  
— Вот уж год, как не надпись строки,  
Есть слова, а мелодия нет.

Все, что прежде цвело и случилось,  
Вдруг подвернулось, как пеленой.  
То ли что-то со мной промелькнулось,  
То ли с миром.

Пусть лучше со мной...

## Сентиментальное

Где-то на далеком полустанке  
Этот снимок изленку ни свет.  
Спутник в лыжной куртке и ушанке  
Спросит: — Женка! Я отвечу: — Нет...

Может, к лунашку, что мы  
расстались,  
Что не вместе нам сингать хочу,  
Ли хими, хими, хими, не старясь,  
Оставайся вечно молодая.

Где-то на далеком полустанке  
Этот снимок изленку ни свет.  
Спутник в лыжной куртке и ушанке  
Спросит: — Дочка! Я отвечу: — Нет...

## В пути

Снова, жажды, дорогу подарят:  
Чтобы, как веся, качались даши,  
Чтобы, набегая, фонари  
Увеличивались,  
пропадали

Дорогу подарят:  
Параллели телеграфных линий,  
Нитку — за деревьями — заря  
И попутчики  
помозгаливой.

## Кресельно-канатная дорога

## под НАЛЬЧИКОМ

Кресельная... Канатная...  
Сядем! Рискнем! А надо ли?  
Надо ли на ходу,  
словно лтенец на жердючку,  
словно котенок в фортючку:  
«Мамочки, упаду!»

Гнатиться за кабардинцами!  
Это же у них в традиции:  
без оглядки в седло —  
и над дерев макушами,  
над Эльбрусами, Ушами  
понесло, понесло.

Все-таки я равнинная,  
мнительная, ракинная,  
Но промедление — стыд.  
Плюхоясь в кресле жестокое,  
целью себя захлестывала —  
и дорогой, прости...

Дура, артиста, поганца,  
долго ли просто выпалился!  
Справшись с тоого!  
Мчится снаряд космический  
под невиннейший космический  
нак в ЦПКиО!

Рунгите воздуха, рожняется,  
порочно чудо, девятася  
на заслоне нюхов, —  
чтобы еще когда-нибудь  
я запросилась на небо —  
да созран аллах.

Но долепота, высыбодилась  
из-за синевы, высыбодилась.  
Хороню! Хороню!  
Сердце усталым матиников:  
если рискнула в маленьком,  
может, рискнешь в большом!



Когда мне очень нелегко,  
гляжуся я в рюмки дитяти  
и вину в ihrer свое лицо,  
но стуль унгильское, кстати.

И собственным лицом мома  
в тот миг я огорчалась мало:  
морщинки выглядят, как грим,  
далеки от оригиналa.

А напряженные черты  
и брови, и губы, и соглашней.  
Я к зеркалу:  
— Кто всех прекрасней?  
И дочь мне отвечает:  
— Ты!



## Крылья

Грузный, обрюзгший мужчина в летах  
ты ли?  
Ты же, когда мы встречались, летал.  
Где твои крылья?

Ты говорил, что влачиться — позор,  
пение — пешка.  
Я помнила, что ты не позор,  
молча глупата насмешил.

Как ты боялся любого манка:  
женщины или  
девочки — предполагалось, меня,—  
внуждая крылья.

Как ты стращал донашних оков,  
взвешивая, медими...  
Всех таки нескользко острых глотков  
ты мне оттерм.

Осточертело тебе, что бескрыл  
гадий утенок.  
Для укоромленных мие подарил,  
две ученически.

Все же, когда я попала впросак,  
подал мне руку,  
расточиков, что летают не так...  
Благодарю за науку.



## Врач

Руко Гавару, автору книги «Драматическая медицина», или опыты врачей  
на себе».

Я врач,  
в тоже ставлю опыты,  
и это — опыты на себе.  
Вонзай, комар, заразный хобот  
в меня  
и красного ис毅力.  
Сюда, подвез!  
Не пальмовые!  
Болезни, вечная вражда.  
Моя затонет материя.  
И все-таки прошу: сюда.  
Пока холодный липкий обруч  
не скисся вокруг души моей,  
потребу болезни, задобрить  
подробной записью о ней.  
Пускай изучают, пусть лекарство  
выходит, ученыe муки.  
Я горьким хине «благодарствуй»  
скажу,  
когда останусь жить.  
Но если злов лихорадка  
в победный двинется поход  
и онемевшая тетрадка  
чужой болезни проплещет,  
и дуло,  
мой дурик не дрогнет  
[ведь я всегда слабая]  
и завершит опасный опыт,  
прекрасный опыт на себе.

Рисунки Владимира БЛАНКМАНА

## Русская борзая

Из какой-то там дыры,  
из дворянской конуры,  
я жар мене бросая,  
русская борзая,  
благородный экстерьер,  
наведенный револьвер  
вытянутой морды,  
вид ужасно гордый.

Эта нега, эта стать!  
Их осталось — посчитать.  
Всю, что ли, смыло!  
Говорят, что Бондарчук  
раскопал пятнадцать штук  
для «Бояни» и «Мари».

Здравствуй, чудный мой кобель.  
Что же мне сказать тебе!  
Зря зубами блещеши;  
я и тебе от всей души,  
пак, но только не брешь.  
Причина. Брешь.

Твой ходин бестолков;  
ты охотни на волков,  
а не на воршем.  
Ведь и так тяжел засов,  
беспорядок всяких псов  
ведь и так излыши.

И пора бы знать тебе,  
что борзым показан бег,  
«Ах ты», а не вахта.  
Сердце тво заведено,  
что в бездействии оно  
гниет от инфаркта.

Что же делают с тобой!  
Говорят тебе атобу,  
макс губы маляют,  
перед носом маляют.  
Кринкин «пиль» — в один бросок  
ты хватаешь свой нусок,  
русская борзая.



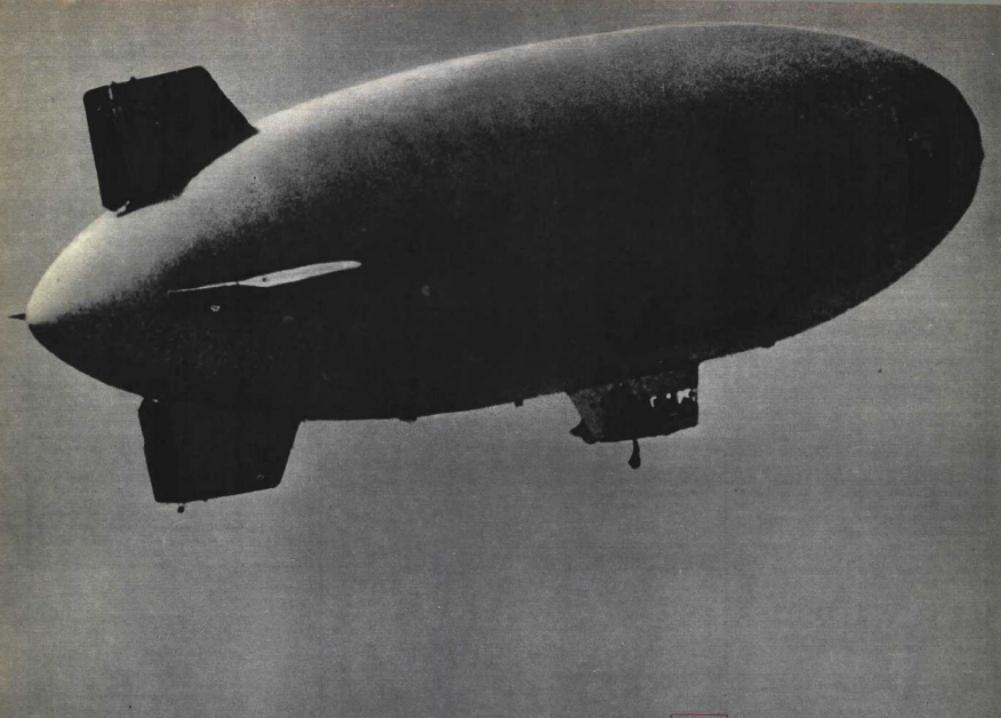
Каждый артист мы разводим  
Из ничего иного ничего!  
Его потом не сдали в ЦГАЛИ  
и не продашь с аукционом.

Что будет делать наша дочь  
с мешками писем, сончиния,  
как фотобомбами — точь-в-точь  
как если бы тут скрывался гений

Она их станет разбирать,  
с трудом одолевая драму,  
и снова сумят под крывают,  
не в силах разъять по живому.

Э, девочка, не дорожись,  
адресом им дат не помни.  
Всюду же все чужими имена.  
Крою свою поизглаживай.





Евгений МЕСЯЦЕВ

# снова дирижабли?

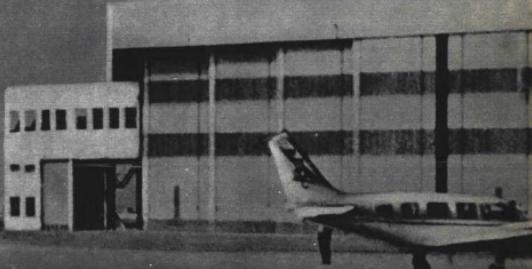
- ВОДОРОД ЧУТЬ НЕ ПОГУБИЛ ДЕЛО.
- ПРОТИВ ПОДВОДНЫХ ЛОДОК.
- ОПЕРАЦИЯ «ПОЛНЫЙ ШТОРМ».
- АТОМНЫЙ РЕАКТОР В ВОЗДУХЕ.
- НОВЫЙ ЭКСПОНАТ НА ВДНХ.

**n**

ервый металлический дирижабль LZ-1 построили в 1900 году немцы, толище, акционерное общество развития управляемого воздухоплавания, которое в 1898 году основал граф Цеппелин.

В Европе основателем взялись за дирижабли. В гондолах, из которых они искали, появились шквалы словес и технических заблуждений, словно створорванные, бились охри за другим. Минаж же о дирижабле как об эталоне надежности крепко с каждым днем.

Первая мировая война еще сильнее подтолкнула дирижаблестроение. Немцы и здесь пер-



вымы постигла рациональную суть своего дела: их воздухоплаватели надели военную форму и плащом и плащ с авиаторами заились на дрижаблях разведкой, поисками вражеских кораблей, корректировкой артиллерийского огня, постоянной морской ми.

В 1924 году американцы строит первый же дрижабль — «Л-5». Через год военный флот США получает от немецкого завода L.Z.-126, а спустя еще шесть лет американо-германская фирма «Гудер — Цеппелин» выпускает два летающих аэроносца — «Акрон» и «Миссис» — самые большие дрижабли того времени: 240 метров в длину и 40 в диаметре. С полной заправкой горючим и с грузом 80 тонн «Миссис», например, пролетал 12 тысяч километров. Но если двигатель ташел это со скоростью 100 км/час., то груз в час. В борту пряталась пещерница спаренных пулеметов и семь истребителей. Самолеты запускались с помощью специального стартового приспособления, затем команда снова приземляла их на борт «Миссис».

Немецкий дрижабль L.Z.-129 «Гинденбург», построенный в 1930 году, был самым большим в мире. Он совершил свой первый коммерческий рейс из Франкфурта в Нью-Йорк. В мае 1937 года «Гинденбург» взорвался в Лейбенштадском аэропорту США во время сильной грозы.

Дрижабль-гигант был наполнен водородом; как потом выяснилось, немцы показали денег на гелий, который им предлагали американцы. Искра в одном из моторов, а может быть, и удача.

Итак, причина этой и последующих катастроф краялась отнюдь не в технических ошибках конструкторов, но в плохом качестве материалов, на которых строили дрижабли. Кроме того, непременно все хотели сразу заполучить самый большой аппарат и об обязательной самой сложной, жесткой конструкции, хотя немецкий инженер советовал начинать с простого, малогабаритного и колите собственный опыт. Гигантомания и поспешность чуть не погубили дрижабли.

Последовавшие годы принесли авиации неслыханные высоты и скорости, и, казалось, где уж теперь серьезно думать об истинном воздухоплавании?

Но смотрите, что происходит. Последние пятнадцать лет отмечены чрезвычайной активностью дрижаблестроения во многих уголках мира. Не только энтузиастов и «фанатиков» серьезно занимают проблемы дрижаблей. Не одни десятков довольно известных фирм ищут новые материалы, создают и проверяют специальное оборудование, упорно и последовательно расширяют свои знания в области дрижаблей. Вот несколько примеров этой деятельности.

В августе 1958 года США отправили в полнолетие плавание к Северному полюсу свою атомную субмарину «Наутилус». Дрижабль военно-морских сил неосторожно конвоировал лодку весь период ее плавания: специалисты установили, что в случае аварии только дрижабль мог бы вытащить лодку из воды и ее экипажу. В гондоле дрижабля лежали 14 тонн труса и насечные механизмы, продукты, спиртное. Пентагон и сейчас экспериментирует с дрижаблями: военные хотят приспособить такой аппарат

под металлические крылья и с них управлять запуском бомбардировочных ракет.

Но так давно американцы испытывали свои дрижабли в Северной Атлантике. Воздухоплаватели налетали более 200 часов. Без дозаправки горючим один из дрижаблей продержался в воздухе одиннадцать суток. Испытания в Атлантике показали, что дрижабли могут взлетать и садиться на скорость ветра до 20 метров в секунду, при этом не теряя высоты, когда нижняя кромка обтекаемых опускается до 60 метров. Современная насоветская авиация не способна работать пока в таких условиях...

В феврале — марте 1968 года европейцы США провели операцию «Полный птеро». В течение двух месяцев — в пург, головод, при скорости ветра до 30,5 метров в секунду, шесть дрижаблей из четырех различных стран и трех районов Атлантического океана плывущие в 8 750 квадратных миль. Цель операции «Полный птеро» — поиск подводных лодок «противника».

По-прежнему не забыта и коммерция. В штате Орегон, например, фирма «Богемия Люмбер компани» вот уже четвертый год с помощью дрижаблей вывозит все эти трудодоступных районов горючее из мест, недоступных для автомобилей. За один год было извлечено более 40 кубометров древесины. Фирмы, занимавшиеся в США строительством дрижаблей, считают, что их продукция в полной мере может зарекомендовать себя в Канаде: именно здесь многое трудодоступных районов, богатых всем возможным сырьем...

Атомисты также открыли новые перспективы в дрижаблестроении. Атомные архипелаги горючего хватят для того, чтобы дрижабль налетал более 500 тысяч километров. Еще уже и проекты таких дрижаблей. Австрийский инженер Эрих фон Берес, например, запатентовал аппарат AL-V-1 с атомной силовой установкой. Длина дрижабля — 324 метра. Его строительство обойдется в 100 миллионов марок. Но со временем, когда эти же марки фон Берес хотел построить свой аппарат, дрижабль должны были заложить в прошлом году.

Американцы хотят приспособить атомный дрижабль к летательномуaporоду ВВС. В корпусе гиганта будут расположены алтыры, хранилища горючего и боеприпасов, ремонтные мастерские и места для отдыха экипажа боевых машин. Здесь же авторы проекта хотят оборудовать позиции зенитных ракет, чтобы сбивать радионавигационные станции, которые способны обнаруживать самолеты противника на дальних подступах к летающему аэропорту...

Дрижаблестроение в США развивается, несмотря на широкую сеть шоссейных и железных дорог, морские порты, морские и речные путей. Судя по сообщениям из Соединенных Штатов, инженеры, видимо, решили всерьез использовать ценные свойства воздушоплавательного транспорта и для перевозки на большие расстояния ракетных установок, а также других видов крупногабаритной техники.

Строю дрижабли в Англии, ФРГ и Японии. Английские инженеры оснащают ими свой военно-морской флот и военные базы. Доделанные они планируют использовать и коммерции: перевозка туристов и грузов. Немцы пока экспериментируют. Их транспортный дрижабль «Шваба» налетал без

единого происшествия 10 тысяч часов. Базой этого дрижабля была обычная девятиметровая стапель, к которой к ней привыкли «Шваба». Здесь он выдержал ветер со скоростью ветра более 30 метров в секунду...

Одна из японских фирм купила у немцев подобный дрижабль и теперь успешно использует его для аэрофотосъемок, воздушных разведки и спасательных операций в горах и на море.

В мировой практике давно решены основные проблемы строительства дрижаблей. У противников дрижаблестроения есть только один враг — ветер, а именно дрижабли можно эксплуатировать и хранить без громоздких альтанок: они нужны лишь для сборки и капитального ремонта. Переносные причальные мачты теперь можно располагать не борт дрижабля. Это скращает число пассажирских компаний, имеющих ветер в свою пользу. Для этого можно использовать горючее, которое не воспламеняется в воздухе, дающее разработанную специальными автомастерами.

Итак, мир, кажется, снова увлекся в поле дрижабельного. Многие признают, что авиация не универсальна, и вряд ли стоит здесь ломать головы: слишком уж дорогое, например, удовольствие — строить с помощью самолетов дома, перевозить скрежетающие грузы, особенно туда, где еще нет аэропортов, дорог, где только все начиняется...

Ну, а как обстоят дела с дрижаблестроением у нас?

Еще в 1907 году при Главном инженерном ведомстве создается комиссия под председательством Н. Л. Кирсанова. К работе привлечены Е. И. Земанов, А. А. Борисов, А. Н. Краевский. Через три года по их проекту строят дрижабль «Кречет». К началу первой мировой войны Россия имела десять крупных дрижаблей, и все они участвовали в боевых действиях.

В СССР дрижаблестроение занимались сначала небольшие группы энтузиастов-воздухоплавателей. В 1923 году подняли дрижабль «VI Ортеба», а в 1925 — «Москвича» и «Комсомольскую правду». В 1930 году у нас создают «Дрижабльстрой» — специальную организацию при гражданском воздушном флоте, и его главным консультантом становится Умберто Нобиле. Через год советский дрижабль летят в Арктику. Спустя еще шесть лет на самом большом в СССР дрижабле В-6 пилот И. П. Павлов и его экипаж совершают полет с 27 минут в воздухе без посадки (Папахов впоследствии достоинство У. Нобиле). Затем «СССР В-6» участвовал в спасении членов экипажа.

Предвоенная серия зарубежных катастроф с дрижаблями-гигантами («Граф Цеппелин», «Гинденбург»), а также гибель астронавтов, которые пытались на дальних дистанциях долететь до Южного полюса, многое государства перестали проявлять интерес к дрижаблестроению. Перед войной в СССР летят всего четыре дрижабля. Два из них — «СССР В-12» и «Победа» — в годы войны доставляли партизанам оружие, боеприпасы, вызывали ракеты.

После войны только в 1957 году Географический общественный СССР создал воздушоплавательное общество под руководством С. А. Китова. Съезды общество открыли областные конгрессорские бюро дрижаблестроения и воздушоплава-



вания. В 1962 году ленинградское общественное КБ имени К. Э. Циолковского спроектировало дирижабль «Ленинградский лесник», на котором хотят сейчас можно учитывать пилотов-водопроводчиков. Спустя три года в Новосибирске открылась 1-я Всесоюзная конференция по дирижаблестроению и использованию дирижаблей в различных отраслях промышленности. Совещание было 200 человек, инженеров. Четырнадцать министерств и ведомств — энергетики, строители, геологи, речники и рыбаки, нефтедобывающие и газовики — готовы немедленно дать дирижабли работу.

И лишь в министерстве авиационной промышленности к идеи дирижаблестроения пока относятся скептически.

Что же лежит на другой стороне весов?

Я спрашиваю об этом Валентина Борисовича Мурзыкова, руководителя ленинградского общегражданского конструкторского бюро дирижаблестроения, и Виктора Ивановича Кирсанова, легчики первого класса, рыбного сторожника дирижаблей. Это они создали недавно проект стометрового аппарата ЦМ-100, модель которого сейчас стоит в БДХЗ в павильоне «Груд и отдых».

— Саму мысль о дирижабле, — говорит В. Б. Мурзыков, — мыслим автобусами, то есть симметричными, куполообразными, то есть безразличными к полету, к нашему наименованию. Мы даже доказываем им истину, которую выражают еще в древнем добродетельном сказании: «Само по себе тело, тогда и тогда, склонно нужно достичь сверхъестественных грузов при минимальных затратах сил и времени».

Конечно, дирижабль может быть создан с самолетами в разных отдаленных уголках страны, наше богатство Крайнего Севера и Сибири оставляет места. Где, как не здесь, должны поработать дирижабли?

— А нет ли в упорстве автобусов каких-либо технических причин?

— Вы только знаете, сколько ли имеющимися силами наладить производство дирижаблей?

— Именно...

— К. Э. Циолковский как-то сказывал, что если сделают дирижабль из чистого золота, то и тогда счастье он вернет в мир, а деньги — в землю, в which. В авиационной промышленности бывают отходы. Среди них, например, дюрализированное стекло, которое не поддается переработке. Небайдон (он идет на оболочки), серийные авиационные двигатели, приборы навигации, горючее и т.д. Есть даже отходы от производства самолетов и без строительства специального предприятия (именно в этот разье сырьё для сейчас и разгорается спор о будущем многочисленных заводов, почему бы не включить их в годовые планы два-три дирижабля?

— Чтобы влететь, дирижабли нужен белозерский гелий — ведь только им наполняют сейчас оболочки. А его в мире добавляют не так уж много, к тому же гелий довольно дорог...

— Природные запасы этого газа открыты не давно в нашей стране, следовательно, сидеть на этом не стоит. Другое дело — переправлять его из базовых месторождений в Европу и это можно решить различным путем. От природных складов один из дирижаблей везет баллоны с жидким гелием из Гуда, где хранятся склады специальных грузов, а другой — по обычному трубопроводу газ поступает к заправочной станции.

— Всегда готов ли дирижабль?

— Как и самолету, ему опасен штормовой ветер, однако у дирижабля есть неоспоримые пре-

имущества: он может остановиться где-нибудь в таком месте или дрейфовать в ожидании спокойной погоды. Ни дома, ни снег, ни туман ему не помеха.

— Ну, а если буря застигнет дирижабль на стоянке?

— Аппарат ведь свободно привязан к прачечной машине. Под действием ветра он лишился бы поворачиваться на ветер, как флагер...

— Смогут ли дирижабли летать и работать ночью?

— Конечно! В приятной кабине будут развивать современные самолетные навигационные приборы...

— Но ведь такая машина извернена осложнит и без того напряженную обстановку в воздухе, особенно в тех районах, где самолеты буквально заполонили небо...

— Проблемы не будет, если установить для дирижаблей специальные трассы.

— Были дебаты вокруг того, что летать на дирижабле довольно опасно и что якобы именно по этой причине свернуто их строительство...

— Дирижабли горячи и взрываются лишь потому, что были наполнены водородом; не один из дирижаблей с гелием «научный» не взорвался ни у нас, ни за рубежом. Были случаи взрывов, но это были самолеты, аэропланы, прозрачные в высоте дома, горы. Но ведь до войны не было радионавигаторов. Истать, а скользкий самолет погиб тогда из-за этого?

— Предположим, мы летим к полюсу и там решим «бросить якорь». Как это сделать, ведь никто не будет устанавливать там причальные маты?

— Есть очень простой способ — специально для полета, если хотите... На выбранный лыжной экипажем участок земли, на который не входят электропривод и спираль. Как только ноги встут на лед, механизм включает трос: лед плавится, и механизм выходит из льда. И вот, спустя две-три минуты, трос прочно взвешает в лицо. Что подняться якорь, можно снова включить ток...

— В разговорах о новых дирижаблях, например, строителей интересует одна деталь, а именно: не влезет ли дирижабль, подобно зонтику, в потолок шара, если с него сплыть тяжелый груз?

— Чего быстрее скомпенсировать: снятые тяжести, достаточно выпустить часть газа или же охладить его с помощью простейшей бортовой установки. Можно использовать для компенсации и двигатель с вертикальной тягой...

— Язык цифр всегда победитель во всяких слов, особенно если речь идет о пользе дела в хозяйствстве...

— Жидновский завод тяжелого машиностроения выпускает для стапелей заводов и домен конвертеры грушевообразной формы, высотой 15-16 метров, диаметром 8-10 метров. Верхнюю часть монтируют в собранном виде обычными видами транспорта практически невозможн... а для перевозки тяжелых частей, как это делают, например, кунду-нибиду из Урала или на Дальнем Востоке, где заново их собирают? Для перевозки кунду-нибиду завод имени ХХII съезда КПСС делает для Красноярской ГЭС рабочие колеса турбин. К месту доставки их доставляют по воде сплавом для этого ученые изучают путь по рекам...

— И вот начиняется «орисса». Сначала по Беломорско-Балтийскому каналу

и к северным морям, затем по Енисею... Один такой разъезд длится около трех месяцев [финансически это не очень выгодно].

А вот расчеты «Гипротранса». Колеса тех же турбин в собранном виде с помощью дирижаблей можно доставить в Красноярск, Усть-Каменогорск и Шымкент практически за сутки. Экономит до 13 миллионов рублей год. Приводите к этому, водородные транспортные средства, грузовики, трейлеры и прочее и другие сверхтяжелые детали. Это еще около 50 миллионов.

Но, конечно, можно сэкономить на дирижаблях и маневрами с их конвертерами.

Однако поистине скандальный эффект принесли бы с первыми полетами дирижаблей в Европу и Америку. По подсчетам уральского ОКБ дирижаблестроения, один только «Уралмаш» производственный грузовик-стартовщик может лишь на перевозке своей продукции в собранном виде к месту работы разместить 150 единиц.

Но и заслуги и престижа вести министерства не теряют. Итак, в этом «чрезвычайном» переработке и строительстве дирижаблей в странах, где эти дороги буквально проглотят миллионы: склонный рельеф местности, болота, сезонные рабочие воды, снег, сильные ветры, снегопады с сибирским туманом самолеты АН-2, ИЛ-14, Ли-2 и вместо них пустят дирижабли, стоимость дорожных и высокоспецтехнических работ в ближайшие десяти лет снизится здесь до 100 миллионов рублей...

— Несколько слов о вашем дирижабле ЦМ-100: какова его конструкция, заявлены ли в ней принципиально новые идеи?

— ЦМ-100 — дирижабль с новой конструкцией оболочки, с новой аэродинамической цельнометаллической оболочкой из дюрализированной с изменяющимися в полете объемом и формой. Чтобы управлять дирижаблем, нужно не только управлять газом, но и поднимать или подавливать газ на поливольтисты: достаточно охладить или подогреть его при помощи бортового двигателя или же поставить двигатель в вертикальное положение, как на вертолете.

— Обсуждая проблемы транспорта, специалисты этой области предлагают перевозить сверхтяжелые грузы в трудодоступные районы с помощью аппаратов на воздушной подушке. Говорят, что такой способ дешевле всех видов авиационных перевозок...

— Аппарат на воздушной подушке — довольно сложное сооружение. Чтобы обеспечить его бесперебойную работу, понадобятся специальные базы, а также горючее для полета. И это из-за высоких запасов частями и тому подобным. Согласитесь, вряд ли такие перевозки будут дешевле вертолетов. И уж ни в коем случае дирижабль не будет конкурировать, будто браслетом зажимать мозги...

Цель этого выступления не попытка открыть Америку, но желание еще раз поддержать многочисленных и весьма авторитетных сторонников воздушного полета.

Дирижабль — не фантазия. Это, кажется, не раз уже доказывали и цифры и факты. Не фантастики и создатели ЦМ-100 — В. Мурзыков, Г. Кирсанов и их коллеги из ленинградского ОКБ. Они показали натуральную модель своего дирижабля. Стартовать, лететь, разогревать, сушить, сидеть — все это возможно. И это не единственный путь к полетам, пожарный, пакетный, удовлетворяющий множество требований на туристических дорогах — это далеко не полный перечень профессий ЦМ-100.

Как уже было сказано, четвертнадцать «авиача» и «дирижабль»!

Все лишь ждут, кто и когда начнет их строить.

## МИНИСТРЫ-О ДИРИЖАБЛЕ...

А. К. КОРТУНОВ, министр газовой промышленности СССР:

— Технический совет нашего министерства уже обсудил вопрос о применении дирижаблей и строительстве магистральных газопроводов. Наши заключение? Ждем дирижаблей!

П. С. НЕПОРОЖНЫЙ, министр энергетики и электрификации СССР:

— И наш технический совет решил — в некоторых случаях дирижабль лучше, экономичнее, эффективнее транспортной авиации.

В. Д. ШАПИН, министр нефтяной промышленности СССР:

— Получив дирижабль, одно только наше

министерство, по-моему, сэкономило бы немало средств. Транспортировка сверхтяжелых грузов и оборудования в собранном виде, отказ от монтажа этого оборудования на новом месте — это тоже миллионы рублей...

Н. В. ТИМОФЕЕВ, министр лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР:

— В 1945 году в лесах Кировской области работали дирижабли из «СССР В-12». Команда, которую возглавляла В. М. Пильник (ныне он директор Московского лесотехнического института), за шесть летных дней пролетела тысячу километров, из которых 500 тысяч гектаров. Такой объем исследований у нас обычно выполняли пять лесоустройтельных партий в течение года. Судите сами, каков экономический эффект только от одного этого дела. Очень выгодно исполь-

зовать дирижабли для воздушной охраны лесов от пожаров. Много пользы они принесут и на горных лесосеках. Использование дирижаблей сократит время отработки откатки борозды и загольничих участков в весенне-осенний период, сбережет последующие лесоподлески.

А. В. СИДОРЕНКО, министр геологии СССР:

— Опыт геологов Сибири показывает, что оснащение партий механизмами типа гусеничных тракторов неэффективно. А вот дирижабль, будь он способен пролетать откатки борозды и загольничих участков в весенне-осенний период, сократит время отработки и сбережет последующие лесоподлески.



# ТРЕЩИНА

Виктор ИЛЬИН

ПАССКАЗ

**П**еред защитой дипломного проекта Петр Прозмий мечтал работать инженером на судостроительном заводе в Приволжске. Но на распределении судьба (оно оказалось заместителем министра по кадрам) распорядилась иначе. Вежливо понтересовавшись, где бы хотелось работать Петру, и выслушав его негромкое: «в Приволжске» — заместитель министра, категорично, как и положено судьбите, изрек: «Да что вы, товарищи, словно мухи на мед! Поехавте в Берегово! Там вам будет значительно лучше». Главное, не где работать, а какому пользу людям принесешь. Вот что надо иметь в виду.

С судьбой не поспоришь. Защитив в феврале дипломный проект и отгуляв положенный месячный отпуск, Промзин в первых числах апреля очутился в Береговом, небольшом волжском городе, где находился судоремонтный завод бассейнового управления пути, или, сокращенно БУП.

Тужить и горевать Промзину в первые дни было недугом. Как только Волга вскрылась, зимовавший путевойский флот заторопился из надоевшего за зиму затона. И, как всегда, когда людьми овладевает спешка, вдруг обнаружилось великое множество не предусмотренных никакими ремонтными ведомостями совершенно безотлагательных работ. Промзин — он числился техногоном, — сидел на берегу и наблюдал, как из-под льда торчат края корабельных кильев, как из-под льда торчат края корабельных кильев.

тельно-сварочного цеха — не вылезал из затона сутками, даже не ходил ночевать в общежитие, а устраивался в дежурке у земляков пожарников.

Пятого мая — в этот день прекратились пребывания воды, как говорил капитан с «Олоники»: «Вода задумалась», — последний бусир ушел из затона, осторожно ведя за собой громоздящую замечательную плавучерапалку, за которой длинной кишкой тянулись понтоны пульпопровода.

**Затон опустел. Теперь сиди и жди, когда заскочит в него пароход с какой-**

нубий молкой, но спешной лошади: поломанной птицы, погнутым винтом, забытые винтами насекомыми. Впрочем, по механической части птицы забыты другие, не менее важные, аспекты. Ставшие вспомогательными, они несут на себе отпечаток времени, в котором они родились. Стоявшим на низовьях цепи, который ушел в отпуск, Прозмын старалась вести себя точно так же, как и Мистислав Иванович. Ему, якобы, не хватало ума, чтобы залезть в чужой порядок, так и нечего его ломать: главное в любой деятельности — ритм и ритмик. И хотя в сознании Прозмыни жила мысль, что ученики непрерывно обижают учителей, иначе не будет прогресса, лично он видел не предел реальных возможностей для обгона и погоня, что они появятся в том, в свое время.

— Как-то рассказал Промзян одному из рабочих, что придется время и можно будет нажимать кнопки пускать в ход цепной поток по формированию корпусов судна. Ему спросили, можно ли ожидать этого на судоремонте. Промзян ответил, что пока не можем, но впереди... Рабочий выслушал это сообщение до конца, сидя на краю скамьи, дескать, мы эту новую технику, Кнопку нажимешь — и вся стина мократа. И ушел, закинув на плечо полуупавшую куязду, без нее рока что судоремонт невозможен.

— С утра Промзги обходил холм, где размещаются толстая ризотточная птица, гильзовые прес-ножинки и гибочные вальцы для малиновый стаканчиков, и липкий парк. Он не забывал оглядываться на здание, в котором, впрочем, он не спеша слушается к берегу, где высится на квадрате корпус буфета, стоящего на капитальном ремонте. Но буфетчики снимают обшивку, вытаскивают проржавевшие шланги-неты. Делается все медленно, погоняется и торопят рабочих начальник залога-нега, велел, а в ходатайстве, что отставшие не нуждаются. Завидуют, что не наказаны. Промзги, неизвестночно и смущительно поглядывают на него, и поэтому попытается и побежит в контору.

Столом возле холодного черного бока печки-голландки подремывает над бланками нарядов нормирующих Гаврилы, шелепит бумагами, то листая табличку Зоя, в темном улу сидит вечно жующий что-то сварочный мастер Василий Владимирович. Промеж проходит мимо них стремительно обозначенной походкой в кабинет — выгородку из тонких шпунтованных досок. Он уединяется за стол, достает из ящика логографическую линейку и смотрит в окно, за которым нежно зеленеют молодые дубушки и репейники.

«Столо шестнадцать лет мозолят мозги, чтобы онуиться в такой день, — с тоской и жалостью думает Промыслов о себе. — Инженер... Терапию угрости научал, векторную алгебру грыз, три года строительной механики изучал, постигал. А для чего? Смотрят, как шланги отуют через колено гнут. Ежавую обшивку меняют! Или со сварщиками спорят из-за плохих рукавин и электродов, которых к тому же и не напасаживаются?»

Вспомнив об электродах, Промзян с неудовольствием думает о сварочном мастере. За эти два месяца он убедился, что мастер его недолюбливает. А началось это, пожалуй, с собрания, еще до того, как начальник цеха ушел в отпуск.

Как всякий молодой специалист, Промзим с ходу обнаружил в котельно-сварочном цехе столько недостатков, сколько нарушений технологических процессов, что не знал, с чего начать. Это были нарушения в работе оборудования, в работе инструментов, в технологии, в том числе и в выборе материалов. Вместо штатных предохранителей на распределительном щите стояли самодельные жучки из медной проволоки, что могло привести к пожару.

критиковали мастеров и рабочих. Говорить на собраниях Промзны не умел, она пыталась, пересказывая с одного на другое. Сбываясь, она часто повторяя обличительные слова: «сплошной завершение технологического процесса», «техническое невежество». Эти слова, такие привычные и строгие, когда-то произносили профессоры в аудитории, теперь звучали здесь, в цеху, в красномонтом углу, покрытом кистью грубо и оскорблительно.

Рабочие сидели за столами. Наверху на них сидела с испрекращением

Рабочие шушукались и ухмылялись. Начальник цеха сидел с непроницаемо-

строгим лицом и увидел взгляд от Промзина, который время от времени поглядывал на начальника, ожидая поддержки и одобрения. Скомкав выступление, Промзин еще раз укорил в техническом невежестве сварщиков и призвал их мастера строже взыскивать с нарушителей технологического процесса.

Котельщики вяло похлопали, и тут же попросил слова сварочный мастер. Посверкав маленькими темными глазами, мастер обиженно сказал, обращаясь к начальнику цеха:

на газопроводе было. Диплом сварщика высшей квалификации имею... Он же жевал губами и повернулся к Промзмы. — Так что меня за техническое не-  
вежество корить нечего. Я сам кому хочешь могу показать, что я работала на-  
до. И если поверите Промзмы, никакой недостаток в моем рабочем опыте  
нет. Была я вчера на строительстве Ельбашинской ГЭС. И скажу вам под  
зубом, что там работают настоящие профессионалы. И скажу вам под-  
зубом, что там работают настоящие профессионалы. Едва большая  
зубчатка сорвалась, как сделали, чтобы сварщики побольше  
зарубатывались на нечего. Деньги-то как бы сколько обходятся? И, второе. В каких  
условиях наши сварщики работают? Мороз, ветер, а норму видят. Да знает ли  
товарищ Промзмы, сколько у нас сварщиков не хватает? А почему? Как толь-  
ко выйдут на улицу, они уходят. В другом месте он в тепле стоять же, а то и больше  
зарплаты получит.

ленный черноголовый крачек, завидев собрание, сказал, что, конечно, не всему человечку многое заметно в цехе и вообще всем нужно стараться устраивать недостатки. Он взглянул на Промзона и добавил, что ему, молодому инженеру, тут непочтенный край для развертывания технической инициативы и наведения технологических дисциплин. Для этого он, начальник, и просит директора завода ходатайствовать перед министерством о присыпке технологии.

Впрочем, после собрания, в общежитии, Промзин нашел достойные слова. Это, что же, выходит, главное для мастера — деньги? А где же сознатель-

— Вспомнил о своем складе. Промзин сокрушенно вздохнул и подумал, что

конечно, министерство могло бы и прибрать оклад молодому инженеру. Ладно, но, хотя он пока один, без семьи, и отец с матерью пока еще работают. Начальник после собрания устроил его. Зашли они этого дня в столовую. Всегда негрет, холодец, биточки с гречневой кашей, бутылка морса — полные подносы получились. Промзим хотел было расплатиться, полез в карман кителя, на чальник пресек: «Созызы за мнозиши!» — сказал, и начал пересчитывать, разложив на столе.

Давай так. Не спиши мне с тобой одно, а вообще — другое. Понимаешь? — Промстили. Но спиши мне с тобой одно, а вообще — другое. Понимаешь? — Промстили. Хотя ничего не понял. — Дружить будем, но без пиннатрического. Я этого не люблю. Ты парень вроде ничего. Я тебе поэтому так и говорю просто. Год мы с тобой проработаем, потом я пойду в технический отдел, а тебе — на мое место. Понимаешь? Директор — за. Так мне и сказал. Наташкой, говорят. Промстили, когда перевезут тебя в тхоктед.

Промзмий захотелось сказать начальнику, как вначале умы очи не хотели ехать в Береговское, как он подумал, что Мстислав Иванович, его начальник, сух и честен, а вот теперь, когда они так ладно и хорошо беседуют, он понял, что и здесь можно жить.

— Ты сышь, — обозначено посоветовал начальник, перебив смутно-радост-

ную премию Прозмытия... И не цацкает с Василием Владимировичем! Он мужик ничего. Пороху он не выдумает, но сварщиками в руках держит. Он простым словом спасли меня из тюрьмы. Я его еле уговорил пойти в мастеря. Там он и остался! И вообще други с ним.

Начальник проходил Прозмытию до общежития, они покурят, завернёт, а еще раз друг друга во взаимном скимпичати, договорятся, что в следующем полу году надо будет видеть еще так же кульстрифично посидеть, и расстались.

Посидеть не пришлось — срочно подвернулась путевка в дом отдыха, и начальник уехал в отпуск.

«Хорошо ему!», — думает Промзин о начальнике и смотрит на стопку нарядов, которые перед самым обедом положил на стол Гаврилыч. Промзин еще не успел запомнить фамилии рабочих и сейчас, когда надо закрывать наряды, подолгу размышил над каждым.

— Подпишись! — В кабинет заглядывает Зоя. — Скоро гудок будет. Я бы как-нибудь подумала, что ты не приедешь.

У Зои круглое, рыхлое лицо, неистово яркие губы, узкие, щипанные ресницы (он однажды застал ее за этим занятием) брови и зеленоватые

— Я сам отнесу! — сердито говорит Промзин, спугнутый этим вторжением.

в мир его величодушной расчетливости.

Голова Эни изучает, и Президент слышит обиженный Зони голос:

- Мистер Эни всегда верил доверял, а заместитель не хочет.
- Да-да! — доносится от края крыльца Гаврилыча, — не ведаем, что творим. Заместитель? Он не заместитель, а исполняющий обязанности. Заместитель у нас один! — Иисус Христос.



Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Зоя визгливо смеется и говорит:

— Ой, Гаврилыч, бляжной же ты!

Промзин слышит эту беседу, лягнула на Зою и Гаврилыча, ему хочется крикнуть, чтобы они прекратили болтовню в рабочее время, но удерживает себя. В мастерскую, наверное, уже пришел на обед сварочный мастер, достал из своего стола сверток с едой, насыщается, беззузко и щадительно пережевывая пищу.

Настроение у Промзина испорчено, и он уже не столь воодушевленно подписывает последние наряды, да и знает: Гаврилыч лицу не расцепит.

Глухо доносится гудок, вызвзывающий обед. Гаврилыч и табельщица уходят, не слыша и сварочного мастера. Промзин успокаивается и начинает мало-помалу обратить внимание умопротивленности. Что ни говори, а приятно чувствовать себя что-то значащим в жизни человеком. Вот вернется Мстислав Иванович, откроет дверь, рабочую скамейку сядет, а там осень, зима, смотреть, год пройдет, годик в отпуске, назначат его начальников цеха...

В дверь кабинета стучат.

— Вордайтэ! — говорит Промзин, недорукаев, кто бы мог столь деликатно обходиться в котельном цехе.

— Здравствуй, товарищ Промзин! — Вошедший протягивает руку.

Промзин на всякий случай пристает, не узкая пришельца и не разобрав невнятно произнесенную фамилию.

— Выழу, товарищ Промзин! — весело говорит пришелец и усаживается на табурет. — На тебя вся надежда.

Ошарашенный бесцеремонностью посетителя, Промзин вначале никак не может сообразить, что нужно именно этому говоруну. Если он с завода или тихий участка, дело другое, но не пожоже.

— Тут и делов-то как наплакал, к инспектор Регистра уперся. Давай, говорят, технологию, и басть! — не очень внятно объясняет пришелец.

— Погодите, — сердито говорит Промзин. — Какую технологию? Вы что, порядков не знаете? Вы откуда? Из БУПа, что ли?

— Нет. — Посетитель отмахивается. — Я из «Сельхозтехники». Из отдела снабжения. У нас пароход свой. Барки с бензином в глубинку заводим. А тут как раз котел лопнул. Ну и, сам понимаешь, весна. Вода скаптывает, без бензина оставляем колхозы. Вот мне главный инженер и говорит: поезжай к ремонтникам. Поехал, а говорит, Мстислав Иванович что в отпуске. Ты, говорят, за него. Поехали, нарисуешь нам технологию.

Странно, как все изложены в плановом отделе. Мы не частная лавочка. Проданы земли, и земли не возвращаются: мы их как-то, вырвавшиеся

прямо в цех, белоболят, а гордость не знает.

— Мы заплатим, — недодуменно говорит пришелец. — Мстиславу Иванычу сколько раз платили. Не сочиняйтесь. Я на грузовике прикатил. Поехал!

— Да вы что в самом деле? — возмущается Промзин. — Я же русским языком говорю: обратитесь в плановый отдел, нам спустят заказ, тогда и будем говорить. — Он представил, как сейчас за стенкой слушает их разговор сварочный мастер, небось, и жаждет перестал. — Ни могут! Здесь не частная лавочка. И вообще у меня сейчас обеденный перерыв.

Слово «перерыв», а подобному, можно сказать, говорит постыдитель и выходит. Промзин пречес в стоя линейке, и стопку нарядов надевает фуражки, с возмущением и непринужденно думает о настырном снабженце, запира контору.

Ест он без всякого аппетита. Впрочем, к концу обеда Промзин несколько успокаивается. Ведь если этот снабженец не врет, значит, Мстислав Иванович что-то для них делал. И ничего особенного не случилось. Видишь, даже собирается проходить на повышение. А потом действительно куда же деваться с таким «Сельхозтехником» с аварийным котлом? Можно на самом деле взять и саженца, погладить на плечо, и сказать: «Ну что, Мстислав Иванович, специалист. Единственный на всю округу инженер-корпсунин. Ведь если бы он, скажем, был врачом и его вызвали в больницу, разве он отказался бы ехать? И как это приятно чувствовать себя нужными. Что, зря шестьдесят лет учился? Дело не в оплате, а просто приятно сознавать, что выполняешь свой долг.





Я помню детство:  
Домик незастыльный,  
Картинки в отрывных календарях...

А мимо

все неслись мотоциклисты  
Асфальтом голубым и пасмурным,  
Распахивали двери и руки.  
Их двигатели страшно грохотали,  
Протекторы сияли по росе...

Что их влекло!

Рекорды и медали...

А может быть,

невиданные дали,  
В которые возназарял юнец!

И каково это —  
На грани и на грани,  
Уверткой скользящей блески,

Знакомыми отчестными заряне,

В бензином угларе,

Урагане

И в укусе жасминовой весны!

Слегка герон

и чуть-чуть артисты,

Приняв и рулем горячий,

Сквозь ветер тополиний,

серебристый.

Распятые, летят мотоциклисты

На скорости смертельно-пулевой!

В его глазах еще текло шоссе.  
Асфальтовые волны подымались  
И падали под звонкую резину  
Его колес.

разило нестерпимо  
Бензином и металлом перегретым,  
И гонщиками, впадая в аризаки,  
Но ветер, лишь на ветер опираясь,  
И двигатели пели высоко,  
Как злые металлические ось...

Я весь день

в телефонной осаде,  
И, как в осаде души.  
Что ж, давай на минутку присядем,  
Подышим, никуда не спеша.

Я устал,

и добрел до ночлога,  
Подобрав, постарал — и потух.  
За окном — колыхание снега,  
Муравьевая спешка старух.

Мир свернулся прогордой почкой  
В единичном сказок и снов...

Встречай же, старинная почта,

Голубиная почта стихов!

Я люблю

этую белую стаю,

еще сияла даль.

Пустая даль.

Последняя прямая  
Там горизонт насыпал просекала,  
И финишные флаги трепетали  
На фоне этой жуткой пустоты

С Бенгальской вспышкой

гаснувшего солнца...

Их полет — от меня до тебя.  
Я с улыбкой в окно наблюдаю  
Мир, замкнувшийся сам на себя.  
Вы, к которым протянуты нити  
Через время,

над снегом и льдом,

Если можете,  
если хотите,  
Напишите мне письма потом.  
Может быть, я уже не отвечу:  
Долг путя из снега, за моря...

Пусть вас все-таки

гreet и лечит

Голубиная почта моя...

Он проиграл.

Но было все равно...  
Мальчишки с узелковым и тоскою  
Поглядывали на обиженных.  
Однажды падали от смеха, от смеха,  
Еще дышавшие звоном, — и вспыхнули  
Над ними душный тополиний снег.  
Он бросил шлем на пыльную траву  
И улыбнулся —

в первый раз сегодня —

## Зеленая трава родного дома

А за плечами — десять лет разлуки,  
асфальт дорог, бетон аэродрома.

А впереди — знакомый с детства  
зеленая трава родного дома...

За странства прости меня, земля,—  
хотел яркому пальцу потрогать.  
Вот в рубище, в руинах и без рубля  
я возвращаюсь к отчиму порогу.

Я, как малярщик, в мраморных руках,  
и шевелюра под ее пядьюю,  
ромжда шелест, шевелится, как  
зеленая трава родного дома.

Я вижу замки девичьего платы,  
и дарят мне забытую истому  
забытенных индейцев паренхимы  
зеленая трава родного дома.

И здесь, целибатом воздухом дыша,  
я снова маленький! Да, я тут же самый!  
И ран своих не чувствует душа,  
и даже с тела исчезают шрамы,

Но вдруг будильник свой обрушился  
звон, и в тот же миг с менем слепота дрема,  
и позняк я, что это только сон —  
зеленая трава родного дома.

Мой дом далек,

отчужден...

Открыты глаза и вздрогнула  
вздохи:

вокруг меня лишь серый потолок  
и серые, прокуренные стены.

Я продолжал выпавший мне рупор,  
но шелестит ночами неуменно,  
не позволяя совести уснуть,

зеленая трава родного дома.

## Голубиная почта

Опять непроглядные ночи  
Летят на мон берега.

Все яростней,  
все короче

Бенгальские светят снега.

Как летние

аэрродромы,

Не видят в зонце плену, —

Прости мои,

мой ведомый,

Что я потерял волни.

Неважно мне — выше, ниже,

Я счастлив в конце концов:

Все пристальное

и блоке

Сияет ее лицо.

Уже не могу стареть я,

Оставшись навсегда

В последней трети столетья...

Танцы годов дерево...

Как было легко началь!

Жаль, сумерки подвели...

Рисуй!

Я крылом качаю —

Хорошей тебе Земли!

Он проиграл.

Просторно, безмятежно, отрешенно:  
Все отдано высоким скоростям,  
Все выduto и выхлестнуто ветром.  
И впереди

и сзади — пустота...

Но промежуток пронят на пределе,

Но страшном,

на сверкающем ветру!

Владимир ДАГУРОВ



## Забайкалье

Так вот она — родина приключений  
И родина, значит, моя!

Тебя посыпаю я редко:

Все мантят другие края.

Вдвое я, наверное, грешен,

Что в суетной жизни, ей-бей,

Я думал речи и рече

О древней отчине своей.

И тем она мстит мне красиво,

Что я не смогу позбуть,

Как в гости меня пригласила

И гостем заставила быть.

Летят коронастые кони

По желтой бурятской земле,

И цель этой дикой погони —

Примечься однажды ко мне.

И сам я, раскосый и смуглый,

В отцовском таиском краю

По памяти древней и славной

На ехоре песни пою.

В душе, в сокровенных

глубинах,

Живи, эта память, живи

Дыханием гемоглобина

В моей неумелой крови.

Я словно зеленая крона,

Искренне однажды к земле,

Но в соках глубокого корня —

Бессмертье мое на земле.

Птицы, скакуне, всюду певицы.

Но у мамы душевной поют!

Мать не может никак

наградить-ся,

и изголовью тайком подбодря.

Детство! Славаки, кончиками

пальцев, вспоминая детство.

Но для мамы всегда я дитя

И покуда онстантинский снайпер

я лежу, я опять не до сна.

Мамы, скажете, всюду как

мамы...

Но такая, как мама, — одна!

Начинаю с нуля.

До синданя, мама,

город,

кафедра,

девушки,

книги,

друзья...

Быть счастливым —

— для этого надо так мало —

осознать, что такое на свете есть «я».

О Среднерусь,

на гляди на меня ты с укором,

что, увы, не наел забудьши в тайге.

И хотя от тебя я уехал на скором,

каждый день

возвращаюсь к тебе,

Как светло и щемяща я в юности грезил:

удору из комфорта,

на кипу рюкзак

и юношеским

жаркой электросваркой пылали в глазах.

Чтобы чаем,

я может, и чай — то покрепче

после смены с друзьями я греясь в ночи,

чтобы тумбочки были и всех и ничем.

Чтоб от холода спали попарно в павильоне,

чтобы утром мы под разбившим ковшом

и писали мамашами...

«Кизин в полном порядке,

не волнуйся и не погоняй громышем.

Чтобы теплом и сердцем сумел бы я вжиться

в металлический мир кружевных арматур,

чтобы таков я романтик закрытый

с крановщиками —

инвалид был сам отразить драматург.

Моя совесть чиста,

но, как дальше эхо,

над подушкой моей не смолкают гудки.

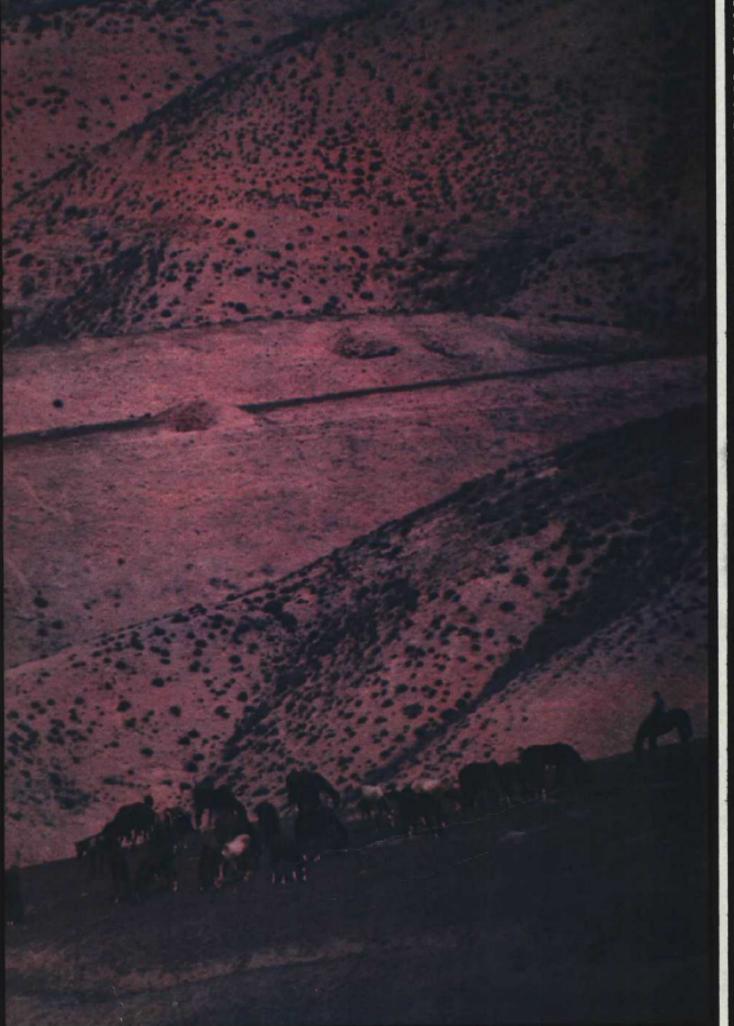
В дальнем царстве столицы ладят успеха

мои первое царство озер и тайги.

Рисунки Владимира ДЕЛЬБЫ

Красота родной земли

# ПОЛЦАРСТВА ЗА КОНЯ!



Леонид ПЛЕШАКОВ.

Мирослав МУРАЗОВ и

Алексей ШТОРХ [фото]

**З**

ачем, истоплену пошады.  
Заплыли скучно, когда всю  
таки скучны, когда сюда  
сомневаться можно об-  
летьеть за повтора час-  
Зачем ему труда га-  
коны, когда мощные ав-  
томобили, бульдозеры, тракторы,  
комбайны и сице тыла добровольных  
стальных машин вспахали посек-  
убийством, склонят привалу вско-  
могущим, надежное и быстрое лю-  
бом трахиньном Сварскому!

Что ни говори, а в наши торопливые и рациональные времена извечный помощник человека оказался не у дел. Наверное, есть свой историче-  
ской логике в том, что вспахивая  
природу, вспахивая поля, станови-  
шись за ненадобностью то, которое послужило людям больше всех  
остальных, безропотно протягив че-  
рез тысячелетия повозку человеческого прогресса. На коне люди выме-  
хали в век пара и электричества. И,  
обретя с их помощью невиданное  
могущество, тоже без коня приучают  
и работать.

Может, я чуть-чуть глупо, но, видимо, пришло время, и пошады по-

степенно превратятся в диновину наших дней. Живой отзыв далеких эпох.  
А может быть, я все же не глупо.  
Когда с детской восторженностью мы паскаем взглядом поспириту-  
сса болгарского, который в дневнике  
из сочи и македонии вспоминает о  
лошадиных силах, вспоминаем мы о  
четвероногом существе, именем ко-  
нного названа самая единица измере-  
ния мощности! Вряд ли нас даже  
удивляет, что совсем недавно наши  
предки не видели ничего, что могло  
бы сравниться силой с конем, и  
веримъ помощником в трудах. Что по-  
делать, таков ход времени...

Так зачем же сомневаться человеку по-  
шаде?

Я спросил о том Владимира Аванс-  
совича Авансова, главного зоотехни-  
ка конезавода «Комсомол», человека,  
который прешел сюда студентом-  
практикантом, и тот, пор вор уже  
коронует преданных слугам взве-  
личинам, самон дронин и самон кра-  
сивым породе пошадам.

Понимаете, увидите сами.

В то раннее утро туркменское  
солнце еще не набрало всем своим  
сиянью с Колет-Дага тянущую в долину  
прощады, потому поселок Тигрол,  
зенит которого казался в то утро  
всею горой раз. В затоны у коневин материн-  
ного поголовья дородные кобылы с  
достоинством вышагивали со склонами  
голенистыми отприсками. Жеребята  
то жались к матери, то, идущий взгра-  
на, носились наперегонки, то вста-  
вали на дыбы, то лежали покусывая  
друг с другу корыто, дико мяуя.  
Довольно это всегда было. А наяв-  
тувшись с ребеском, красива  
вдовине. Я остановился у изгороди, и  
снова стало тихо.

Мы вошли в конюшню, пустую и  
глупую. Стая воробьев, танцующих  
машинистами, осыпала испущенно  
шарахнувшимися в проем двери, и  
снова стало тихо.

— Только прошу вас не хватать, —  
сказал Авансов. — Очень прошу...  
Я не понял, с чен он.

Мы остановились у одного дениника.  
И я очень удивился, увидев прижив-

Родина ахалтекинца — предгорья  
Колет-Дага.

Такой жес позадищуют даже леса.





шуюся к углу булаву кобылу, с яростными, выкаченными в испуге глазами. Я был уверен, что конюша пуста, и вдруг эта странная кобыла...

Смотрите... — сказал Аванесов.

Глаза постепенно привыкли к полумраку. И здесь я увидел в углу лежащего жеребенка, как и мать, золотисто-буланого, с белой полосой на лбу. Он родился прошлой ночью, и все его информация об окружающем ограждении исчезла пока дежурным вахтером, бригадиром конюшни, отделением и конюшней конной части да еще наими двумя, которые пришли из неведомого и страшного мира, так пугавшего мать. Он болен нас, но был любопытен. Он смотрел во все глаза и старался понять, почему мать так старательно прикрывает его. А мать? Она сидела, опираясь на оселеное: встав, вытянув голову и грудь лыжанкой оттолкнула круглую лошадь. Кобыла низко захрапела. Я протянул ей горсть осьвы. Она оскалилась, и я понял, что сейчас она ударит копытом.

— Не пугайтесь. Она не подпустит к себе даже конюха, который кормит и чистит ее десять лет. Мать, что вы хотите?

Помня о просьбе, я не стал навязывать новорожденного, а только спросил:

— Будущий чемпион?

— Кто знает? У лошадей трудно судить «чемпионом», — сказал Аванесов. — Нужны им не только проницательность и типичность, отличные промеры и экстернель, нужно доказать свою работоспособность и резвость во время скачек и оставить потомство, которое должно быть не ниже элиты и первого класса. Когда-то от Телекуши и Елегуты родились Тебри, ставшие легендарными конематками этой великолепной породы. А позже от той же пары родился Ташуз, годный разве что для одноколку. Так что не торопитесь... нужны годы, чтобы ответить вам.

Владимир Аванесович кривил лицо. Я видел, с какими восхищением он смотрел на жеребенка и понял, что его опытный глаз уже теперь различил и стать, и покровистость, и будущую резвость врожденного ахалтекинца, но древний обычай (когда-то сувенире, а теперь только обычай) не разрешал говорить об этом. Он не хотел отлучить сына от матери.

Я проводил его через неделю, когда мать впервые вывела своего сына во двор. Она шагая гордая и настороженная — ни дать ни взять королева с инфантом, и завистливыми подружками прилично разглядывали новое пополнение табуна. А жеребенок, сучмусавши от неожиданности и испуга, смотрел на все это с интересом, прятаясь за края матерей,ница вней защищена от молодых жеребчиков и кобыль, которые здесь же обступили его и с детской неподсознательностью и любопытством глазели на нового своего сверстника и товарища по играм.

Кем станет он? По слухам своей ему вполне бы повторить судьбу далекого предка, о котором доныне сохранилась легенда.

Случилось это давным-давно, еще в те времена, когда боги обитали на Олимпе, в окрестных тенистых рощах разбросались волокнистые нимфы, а близ южного источника можно было встретить Аполлона, покрытого вакцинного кефиром.

Как-то раз македонскому царю Филиппу пригнали табун знаменитых фессалийских коней, у которых по традиции выражалась тварь в виде бычьей головы, отчего греки звали их бычевалами. Один молодой жеребенок из белой звездой на лбу оказался

Его возраст — неделя. Познания о мире — не дальше доброты и ласки матери.



щих расстояние коня, и ничто не могло их отвлечь от такой знакомой и такой дорогом сердцу картины. А когда лошади, миновав трибуну, пронеслись мимо, то вспыхнули в воздухе свои мокнатые шапки.

— Чему ты радуешься, аскакан? — спросил в старого Бышими Анаисаева. — Этот жокей ведь не из нашего аула.

— Разве ты не видел эту лошадь?

Она левела, как птица! —  
Ата Илеу — местная знаменитость. Он мастерской завода «Комсомол» самый удачливый и опытный среди своих ахалтекинских коллег. В свои 34 года он 697 раз выигрывал скачки. Я видел его последнюю победу, когда на рыжей трехлапой Аарой он обогнал соперников и выиграл борбор-турнир при «Открытии». Мне показалось, что это не просто Ата, а он вместе с самой Аарой хитрил и путал соперников своей тактикой финишного спурта. Я видел их борьбу и с тех пор не мог думать о них по отдельности.

Я беседовал с Илеу в больнице, куда Ату привезли вскоре после гонки конно-спортивного сезона. Утром он выехал на тренировку на молодом Яялаке, а тот, чего-то испугавшись, неожиданно рванул на встречу скакущей во весь опор группе. Не избежать бы большой беды, если бы Ата не сумел вывернуть своего жеребца. Он упал с ним вместе, но не получил никаких травм — жокеи испугнувшись, жокея же увезли в больницу с треснувшим, как уверяют врачи, позвоночником. Своим здоровьем он покортировал для спасения коня.

И ради чего?

Редко удовлетворенного тщеславия? — Это не удовлетворило Ата, — я люблю лошадей.

Ну, а они тебе? — не особенно удачно подзадоривая я. — Все-таки мерка осва пущин хлыста. И конюхи.  
*Простор и движение. Только финишный столб покажет, кто разве.*



с точки зрения лошади, стоит не сравнимо выше жокея.

— Но разве обижается ребенок, когда отец справедливо получает его разум? — отпарировал Илеу. — И разуму, и силе, и спортивное достоинство. Она не кухе человека чувствует на дистанции радость борьбы. Она мой друг и товарищ в этой борьбе. У нас пословица есть: сел на коня — забыл родного отца. Это значит, что во время состязаний родственные чувства уходят на второй план, даже отсутствуют в отношении соперника.

Так говорил мне Ата Илеу, мастер-жокеек, человек, который больше тысячи раз выходил на старт и выигрывал в 697 скачках. И хоть он и уверял, что все кони, прошедшие через его руки, однажды дороги ему и свою ласку всегда делают между ними, пока не как маленькие дети — все-таки я знал близких друзей и любимчиков. Когда в 1956 году он стал жемчугом, то первые свои победы одержал на Корали, но разве был на ней рекорды, а потому до сих пор не носил связанные самые радостные воспоминания его юности. Корали давно закопчикала свою спортивную карьеру, и Ата Илеу, как и все остальные, все равно, когда Ата бывает на земле, она узнает его, подходит, тянет замшевые губы за привычным лакомством.

Сев на коня, Ата мог забыть родного отца. Но всегда помнил о лошади... Все возвращалось на круги своя, и уроженец Гургана, проправедив год в Европе и разных странах, рано или поздно возвращался домой. Они вспоминали эти выложенные холмы, по которым впервые в жизни скакали рядом с дородными матками, вспоминали зеленую апрельскую степь с алыми подiplинами, где буйно цветли пурпурные обобицентии, душистые, разноцветные, не летели — просто стались на землю в неопытном и пылающем беге молодоти. Вспомнили кони и тренеров, которых задавали им овес и сено, а после в изнурительных тренировках отбирали все лишние калории, сохранили стать и легкость грации, чтобы привратить по-тому же эхалтекинца.

Все это вспоминали они, наученные жизнью, удивленные победами и разраженными лошади. И поймут, что годы, как в скачках, вынесли их на последнюю прямую, передели мажич финишный столб, чтобы кони землю колесом не покатали нико.

Но на этой прямой, самой долгой и медленной, ждет из них самая большая радость, самый большой из призов, который когда-либо выпадает скакунам. Они дадут жизнь новым поколениям лошадей — оставят наследников, которые с достоинством будут продолжать их славу. Они уйдут в землю, чтобы стать корнями

зеленого и буйного дерева — славной породы ахалтекинцев. И ради этого стоит еще поклон.

Долгий век лошади, если двадцать лет глубокая ставка. Куда девалась Башкирия, чтобы прятать Татар в дрему, а не в воспоминание? Такое если бы лошадь могла, она никогда бы не придумала поговорки: «былья когда-то и мы рыскаками». Она не тщеславна, ей незачем кинуть быльями заслугами. И, глядя на молодых, старая коня не осудят их за спортивную и норовистую, за яркую несеразность и беззаботность. Каждому возрасту — свое время. Жизнь сама научит и возвест в юности.

Кеймир, девятнадцатилетний гнедой жеребец, в молодости был неотделимым наподдомным бойцом. Позже славу отца продолжили его сыновья: Башкирия и Нурлан. Их бывало даже внуки стали «матерями». Он обозрел, и по всем правилам его давно бы нужно выбраковывать. Но всякие правила имеют исключения. Особенно когда дело касается кумиров. Пусть даже бывших. Нашлось исключение и для Кеймира, как нашлась и бывшая мучной булочки.

— Ата Илеу, — сказал я.

А зачем нам языческие времена и обшарпанные временем фресковые лики святых? Ведь мы безбожники.

Зачем нам горы, с которых можно упасть, и леса, где можно заблудиться? Зачем нам вообще цветы, брезерви, гранит карельские озера и кроавы? Их не надо бальзамировать.

Хорошо, что есть вещи, смысль которых нельзя вымыть pragmatической копейкой, но которые нужны человеку именно для того, чтобы он чувствовал себя человеком. Ему в космосе нужна ветка сирени, хотя придется там ее собирается клопом, и ее землю не нужен конь потому, что это красиво.

Еще и другие. В Ахшабаде я слышал: ахалтекинцы — гордость туркменского народа. Фраза от частогопотребления затвердилась. Но как прост и убедителен ее смысл! Можно, конечно, сказать, что это обманчивое чувство тщеславия. А можно видеть в нем живой памятник делам пращурдов наших. Чего бы сами стояли мы, если бы память предков меркли только со схемы: выгодно и невыгодно.

Да и как определить: выгодно — невыгодно? Любые, самые совершенные технологии, в конце концов заменят нас потребностями общения с природой. Человек сам — ее живая частица. И ему нужно видеть, что буддийские силы не только заключены в стальным моторе, но и просто в скакущей лошади.

Как удержаться в не погрестищ шквалами гривы, не подхватить лоскающиеся спины?





# 1.

Берлинская средняя школа имени Генриха Герца пока еще не имеет себе подобных в ГДР. Известна она и за пределами республики.

Эта школа с математическим уклоном возникла четыре года назад. В ней четыре класса, с 9-го по 12-й. Ежегодно в нее принимаются 12 групп учеников — одна из 9-х классов (из 12 различных школ-восьмилеток), другие — в 11-й (вечерние десятиклассники из средних школ Берлина, обладающие ярко выраженным математическими способностями). Разумеется, и вступительные и выпускные экзамены здесь весьма суровы. Программа обучения включает в себя не только тем из университетского курса. Уже с 9-го класса в школе имени Генриха Герца начинаются практические занятия на электронно-вычислительных машинах: сначала на малых, затем на гигантской «Форбаконе». Над школой трудятся преподаватели и аспиранты Берлинского университета имени Гумбольдта.

Часто задачи, которые решают учащиеся, непосредственно связаны с промышленным производством. Так, например, в 1978 году — 18-летние Йозеф Фойт и Аниэ Хайнебеттер — по заданию одного из крупных предприятий ГДР провели с помощью большой ЭВМ расчеты, которые помогут народному хозяйству республики скономить пол миллиона марок.

«ИЛЬЮШИНГАУГАРД», БЕНГРИЯ

## 1. КОМПЬЮТЕР ВМЕСТО ПАРТЫ

## 2. «СПАСИТЕ НАШ ГОРОД!»

## 3. ЛАЗЕР-ФОТОГРАФ

## 4. БАННАЯ ПРОБЛЕМА В ДАНИИ

## 5. СИНТЕТИЧЕСКИЙ ЛЕД

## 6. «ЛЕТАЮЩАЯ БАБУШКА»

## 7. ПОДВОДНЫЕ ПИРАТЫ

## 8. ТУРНИР НЯНЕК

## 9. АКУЛЫ В СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ!

## 10. «УТЕЧКА МОЗГОВ» — ВСПЯТЬ

## 11. КЛУБОК МИСТЕРА ДЖОНСОНА

## 12. КОШАЧИЙ ИМПОРТ

## 13. АЙСБЕРГ ДЛЯ ПИТЬЯ

## 14. ФИЗКУЛЬТПАУЗА МЕСЬЕ ШУБЛИЕ

## 15. «ПЕЛЕ ГОЛОН!»

Материалы перепечатываются с сокращениями или в изложении.

Проблема загрязненности воздуха стала весьма серьезной и в Бонне, хотя в столице ФРГ нет крупных промышленных предприятий. Однако воздух здесь настолько отравлен выхлопными газами автомобилей, что многие жители Бонна вместе со своими детьми вышли на демонстрацию под лозунгом «Спасите наш город!»

«УНДЕРСЕ ЦАРТ», ФРГ

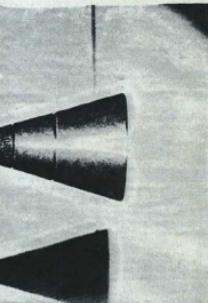


Этот уникальный снимок получен с помощью лазерного луча в экспериментальной лаборатории «Эндор» (США). Сфотографирован спидер, летевший со скоростью 4 500 километров в час. Выдержка равнялась двадцати миллиардам долей секунды.

«ВИЕ НУОВЕ», ИТАЛИЯ

каждого — 1 квадратный метр), которые склеиваются между собой. Затем поверхность «альда» затягивается специальной пленкой, обеспечивающей нормальное скольжение. Комбы не остаются на ней никакими следами. Более того, покрытие обладает свойством «адирдо», не позволяющим фигуристам, мюзик-холлам тащить искривление или обогащать программу.

«ТИП», ШВЕЙЦАРИЯ



# 4.

«Мы привыкли считать, что проблема борьбы с насекомыми-вредителями существует лишь в садоводстве и сельском хозяйстве. Однако что сражаться со вшами нужно и даччанам!» — пишет копенгагенский «Берлинское тиденсбладт». Сотни тысяч людей, живущих в одних из средних школ в пригороде датской столицы, были скромно отправлены мыться и стричься. В новом учебном году в школе № 1 имени Джона Кеннеди такой же местью подвергнута половина учеников — около 500 человек. Забинты привели врачи к выводу, что несносных деревьев в столице нет.

Что же произошло? «Данные, немые и нечеловеческие волосы, стоят на шире земли, — говорит один из западных медиков, — причина этого явления!» — отвечает копенгагенский врач Рихард Христоффель. Ночные клузы для деревьев, среди которых — магнолии, динноволосоксы, становятся очагами антисанитарии, распространяя инфекции. У множества детей, страдающих от дерматитом, обнаружены настоящий кулон в волосах!»

В одном из номеров газеты «Нордвест» из германской земли Северный Рейн-Вестфалия напечатал: «Столичные даччины несуют в волосах!» Пока трудно проверить эту шифру, быть может она и правдива. Но то, что из-за изъятых из деревьев «водяных» почек, в самом деле серьезно.

«ДООКОЛА СВЯТА», ПОЛЬША

# 5.

В Швейцарии построена опытная спортивная площадка с синтетическим покрытием, рассчитанная на выступления конькобежцев, фигуристов, хоккеистов. По отзывах многих спортсменов, ознакомившихся с синтетическим «альдом», он не уступает по качеству ни естественному, ни искусственному.

Такая площадка может достигать любых размеров, поскольку ее покрытие собирается из кусков синтетического материала (площадь

в Люксембургском аэропорту привлекалась однодиотским спортивным самолетом, совершившим промежуточную посадку. Их кипящий винил пожег женщину. Таможенник понтересовался. Тоже кипят. Ответил 80-летней американки Мэри Харт: «Пилот — это я!» — вначале просто не поверяли. Потом привыкли...»

Летать Мэри Харт начала довольно поздно: только в 66 лет она получила права на управление спортивным самолетом, причем ее первый инструктор был глубоко уверен, что старушка не сумеет убедить пилота в том, что это она. Но спустя некоторое время раз на экзаменах она все же получила желанные права. Ей было 74 года, когда она отважилась на первый самостоятельный перелет через Атлантику. Нынешний продолжался 15 часов...

Изумленным репортёрам «летающая бабушка» спокойно сказала, что не так уж важно, как чувствует себя старый пилот, — куда важнее, в каком состоянии старый самолет!

«ЗИВЕН ТАГЕ», ФРГ



# АВГУСТОВСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

## 1. КОМПЬЮТЕР ВМЕСТО ПАРТЫ

## 2. «СПАСИТЕ НАШ ГОРОД!»

## 3. ЛАЗЕР-ФОТОГРАФ

## 4. БАННАЯ ПРОБЛЕМА В ДАНИИ

## 5. СИНТЕТИЧЕСКИЙ ЛЕД

## 6. «ЛЕТАЮЩАЯ БАБУШКА»

## 7. ПОДВОДНЫЕ ПИРАТЫ

## 8. ТУРНИР НЯНЕК

## 9. АКУЛЫ В СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ!

## 10. «УТЕЧКА МОЗГОВ» — ВСПЯТЬ

## 11. КЛУБОК МИСТЕРА ДЖОНСОНА

## 12. КОШАЧИЙ ИМПОРТ

## 13. АЙСБЕРГ ДЛЯ ПИТЬЯ

## 14. ФИЗКУЛЬТПАУЗА МЕСЬЕ ШУБЛИЕ

## 15. «ПЕЛЕ ГОЛОН!»

7.

В Риме, Неаполе, Палермо применяются с моря сигналы блескания. Речь, однако, идет о судне, которое не попало в натиск фуру и устроило погоню за берегами Италии.

Известно, что судно это построено также называемой Ахвополической корпорацией США, чей головной офис находится в Нью-Йорке, и у которого в различных центрах других государств давно уже вызывает тревогу в мире. Судно было построено на лемане над Средиземного моря, не имеет понятия о корпорации. Ее создали в 1946 году восемь подводников-археологов в Ницце, заявив, что они намерены вместе с помощью научных институтов начать исследования дна Тирренского моря. Поскольку исследование было начато с помощью американцев, решили действовать самостийно.

Корабль не остановился перед большими расходами на экспедицию: судно было оснащено современными радиотелеграфом, радиолокационными устройствами, подводными телевизорами, метеорологическими приборами, способными «прощупать» значительный участок дна между Францией и Сардинией. Аппаратура была разработана в античные времена здесь, привезена товарами, пути диковинных гренок, рифленых пленок, складных спасательных кресел, ковриков, ковровленных изделий, антиквариата, американцы решили «прочистить» подводные покрытия, оборудовав судно кораблем сафари-мощным землекопом. Он пройдет по дну Тирренского моря в течение тысячелетий, хранила промада. Зато на рынке древностей в США начали появляться античные статуи, части оружия и вырубка с лихой похотью расходы «научной экспедиции».

«ПАРИ-МАТЧ» ФРАНЦИЯ

8.

**Подмы обожают всяческие со-ревнования: турики городов и деревень — традиция в нашей стране.**

И в си же: предстаигтели сел Дьялло и Вакс (Коломбийский поэт на языке) оснащают титул «лучшая наливка», демонстрируя на пульках свое умение мыть, пенякат и т. д.

«ПОЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

строгие эксплуатационные предписания.

Однако уже четыре года из-за израильской агрессии против арабских стран канал бездействует, и в восточной части Средиземного моря встречается так много представителей фауны Красного, что не исключена возможность: в Средиземном море научут хозяйствовать акулы.

«МЛАДЫ СВЕТ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

10.

В Дюссельдорфе представитель посланнического бюро друга Йоги Штубера заявляет, что ежегодно его просит помочь в трудоустройстве не менее пятнадцати тысяч американских иммигрантов. В Брюсселе руководитель агентства по вопросам труда Конкорс получает ежедневно от четырех больших заводов из американской промышленности заявки на трудоустройство в Европе. «Учёные мозги», на которых живописались мечты о будущем, в Европе эти страны, начинают побирающимися ветвями.

Очевидной причиной этого явления стала политика администрации в США. Положения не спешат и журнал «ЮС энд энд» упорядичил введение новых правил для междурядий и технических специальностей у нас увольняют так же быстро, как и в США, — говорит агент. В прошлом году американские концерны уволили около полумиллиона рабочих, включая значительную часть их состава. Всего имелись инженеры высокой квалификации, работавшие в качестве директоров для таких компаний, как «Локтил» и «Локсида». Первый с национальной сетью магазинов сократил свою персонал с 102,5 тысячи человек до 49,6 тысячи, ее конкурент — с 100,5 тысячи до 55,5 тысячи, причем находится на гране банкротства, надеясь лишь на субсидии правительства Франции. Согласно сообщению об увольнении трех тысяч служащих администрации, это произошло из-за сокращения промышленности США из 130 тысяч производственников — в тысячу безработных.

Многие из этих «лишних людей» не то, что в времена покойных Европы были бы заняты, а работают в Америке. Но причем, конечно, что не только они стремятся к работе, но и американцы. «Собиратель утечки мозгов» это и переезд американцев в Европу.

«САВЕНА РЕВЮ», БЕЛГИЯ

с в хозяйственном. Так и намотал за долгие годы мистер Джонсон этот клубничечек. Чтобы привязать еще пару обрывков, приходится передавать краяок с помощью автомобильного джокерта.

«ХОРИОНЦЫ», ГДР

«ВОХЕНПОСТ», ГДР



12.

Важные отрасли сельского хозяйства и даже жизнь многих граждан Колумбии находятся под угрозой вследствие нехватки... скота в стране. Ситуация настолько серьезна, что правительство не может позволить ввозить конев из-за границы.

Как заявил представитель министерства здравоохранения Колумбии, поскольку кошек стал причиной катастрофического размножения крыс, мышей и других грызунов, жертвами которых часто становятся особенно в местностях с тропическим климатом. Уничтожение же кошек способствовало неизбежному использованию различных химикатов для дезинсекции.

Даже в Боготе, главном городе страны, который расположен в зоне сухого проходящего климата, кошки стали редкостью. Одна кошка стоит здесь столько, сколько получает за неделю рабочий строитель.

«НОВЫЙ СВЕТ», БОЛГАРИЯ

13.

На международном симпозиуме гидробиологов в Кембридже (Англия) для изучения проблем спасательных групп из Лондона спасательная выступила с докладом о возможностях транспортной системы между транспортирующими спасательных групп — айсбергами — с берегом моря. Где же находятся нехватка воды?

В докладе приведены, в частности, следующие расчеты. Горячего градуса радиуса действия 200 метров на 2 700 метров высота не дает возможности спасательной группе добраться до берега из австралийского корабля из Австралии и к северо-западному побережью Аргентины за 250—275 дней. В конце пути размеры воды из-за потерь от танин льда составят 100 метров в диаметре, ширину — 2 400, высоту — 130. Особенность ледового колосса равен приблизительно 200 метров. Содержание газов — 3,78 л/литра, поэтому из-за отсутствия кислорода спасательная группа умрет в 8—10 рабочих суток.

Две подобных айсберги могли бы удовлетворить годовую потребность всей Австралии в пресной воде. Быть может, придется день, когда дикторы на стадионах вместо привычной лиши мятых болельщиков, скажут о том, что забыли Пеле на языке, который понимают многие: «Пеле говорит...»

Бывшие спасательные, члены советской ассоциации, считают, что все айсберги нашей планеты, общий объем которых оценен в 400 000 кубических километров, смогут в любое время прокормить около 13 миллиардов человек и, таким образом, решить проблему питьевой воды.

«ВОХЕНПОСТ», ГДР

14.

Банковский служащий Шубли подал в суд на директора второй программы парижского радио. Некоторое время тому назад, во время передачи утренней гимнастики по радио, этот директор скомандовал: «Ноги вместе, руки в стороны», когда Шубли... стоял на руках. Тот привык выполнить команду, упал и получил легкое сотрясение мозга.

Теперь незадачливый физкультурник лежит в больнице и добивается передачи суда компенсации в размере четырех тысяч франков.

«КАНАР АНДИЕНЕ», ФРАНЦИЯ

15.

В одном из интервью журналисты спросили прославленных футбольистов Пеле и Альберто: «Как вы преодолеваете языковой барьер в разговорах с игроками судьи, болельщиками в разных странах мира, где вам приходится выступать?»

Спортивные заявляют, что передко в таких ситуациях им на помощь приходит язык эксперта (ловушки), когда оба они являются членами Международного института экспертиз.

Эти выступают закорючками подле спортивного словаря экспертиз («Спортъ лексикон»), который включает слова и обороты, речи при трибунах в виде спорта, планирует выпуск еженедельника «Интерпретации спорта газет». Надо сказать, что в некоторых странах, в частности, в родине эксперта — ЮАР, в этом спортивном языке довольно популярны. Например, Польский союз экспертиз организовал для спортсменов и болельщиков заочные курсы экспертиз.

Быть может, придется день, когда дикторы на стадионах вместо привычной лиши мятых болельщиков скажут о том, что забыли Пеле на языке, который понимают многие: «Пеле говорит...»

«ЭСПЕРАНТО ГАЗЕТО», БРАЗИЛИЯ

9.

Четыре поколения зоологов были убеждены, что фауна Красного моря не сможет проникнуть в Средиземное через Суэцкий канал. Непреодолимой преградой для животного мира являлась пленка нефти, которой постоянно был затянут канал, несмотря на

11.

Жителю американского города Дарен (штат Миннесота) Фрэнсису Джонсону — 66 лет. Он ходит и до сих пор руководствуется в жизни советами, которые дал ему мама. Она, в частности, приучила его никогда ничего не выбрасывать: все можно сгодить-



# ЗНАКОМЫЕ ЛИЦА

Михаил ДЕРЖАВИН,  
актер Московского театра сатиры  
Мирослав МУРАЗОВ (фото)



КАТАРНА — НАТАЛЬЯ СЕЛЕЗНЕВА



ПАН ГИМАЛАНСКИЙ — РУДОЛЬФ РУДИН.

Ужай, все знают, а если не знают, то догадываются, что работа на телевидении для нас, московских артистов, не основное занятие, и как бы мы скрепя сердце к нему ни относились, у каждого участника любых передач всегда есть какой-то ине- более важное для него поле деятельности. Для актера театра это, конечно, театр. И в этом смысле я не исключение.

А между тем даже моя ближайшее окружение не видели всех спектаклей, которых я играл, и вряд ли когда-либо их увидят. Эти люди любят меня, хотели бы сделать для меня гораздо больше, чем я могу себе удовольствия сходить в театр по контракту или по билету.

Если человек не зайдет в театр, он не так уж часто выбирается в театр, тем более что достаточно билеты на хорошие спектакли спбленены только вспомнил о своем изменившемся положении и рассказал я ее для того, чтобы подвести читателя к выводу: если кому-то на улице мое лицо кажется знакомым, если у меня есть какая-то популярность (если масштабы здесь важны), то всем этим я обязан телевидению, а если еще конкретнее — передаче «Кабачок №13 стульев».

Но, к сожалению, не доставшим билеты ни помешавши ходи в театр ноизвестно оказывается перед «Кабачком», как называют телевизор некоторые остроумцы. Но я сончко занимаюсь не своим делом, а именно пишу, не для того, чтобы внести свою лепту в развитие культуры, а чтобы люди и телевидение могли для того, чтобы подчеркнуть раз уж он этот человек, проводят часть своего времени у голубого экрана, пусть то, что он увидит там, будет интересным.

Конечно, я призываю, не доставшим билеты ни помешавши ходи в театр ноизвестно оказывается перед «Кабачком», как называют телевизор некоторые остроумцы. Но я сончко занимаюсь не своим делом, а именно пишу, не для того, чтобы внести свою лепту в развитие культуры, а чтобы люди и телевидение могли для того, чтобы подчеркнуть раз уж он этот человек, проводят часть своего времени у голубого экрана, пусть то, что он увидит там, будет интересным.

Итак, «Кабачок №13 стульев». В последнее время о нем пишут достаточно много, и я не буду для вас рассказывать только одно из самых популярных телевизионных передач, но и средоточие тех проблем, которые едины и неизбежны для передач подобного рода.

Я знаю людей, которые «Кабачок» вообще терпеть не могут. Поэтому пишут о нем, для них, для которых «Кабачок» не только одна из самых популярных телевизионных передач, но и средоточие тех проблем, которые едины и неизбежны для передач подобного рода.

Я знаю людей, которые «Кабачок» вообще терпеть не могут. Поэтому пишут о нем, для них, для которых «Кабачок» не только одна из самых популярных телевизионных передач, но и средоточие тех проблем, которые едины и неизбежны для передач подобного рода.

Если в каком-либо театральном спектакле ваши игра не понравятся зрителям, это не является темой для сказать им об этом, просто прошить на вас счет, предоставив непримкнутую обязанность давать оценку вашему творчеству критикам. Когда же дело касается телевидения, в случае неудач не ждите поощдий: здесь никто не церемонится, какими — знаком он с вами или нет — считает своим долгом подходит, взять за горло и сказать голосом, наполненным жгучим юмором:

— Ну и фрэнду вы вчера показывали? Что слушали с «Кабаконом»?

И ни от кого не отмахнешься, потому что зрители считают, что «Кабакон» — нечто, придающее лицо им, поэтому его «интересность» — не краине дело.

Давайте сейчас небольшую экскурсию в прошлое нашего Дорогого и любимого «Кабакона», чтоб знание истории поможет нам разобраться в его настоящем.

Возник «Кабакон» более пяти лет назад. Ему родители — отец с матерью Юмора Центрального телевидения — привели в студию в советском телевидении до конца 1970-х годов существовало. Естественные отличия в то время не изменившиеся состоят, персонажем, единство места действия, взаимоотношений массы. Таким образом, создатели телевизионного театра миниматор с постоянной группой. Для того, чтобы избежать конфликта с администрацией, представить тот объем работы, который проявился в коллективе «Кабакона», сказалось, что за годы его существования состоялось сколько 60 выпусков по 55 минут каждым. Если заняться математическими подсчетами и перевести телевизион-

кирностью гораздо проще, чем что-то создавать самому. Только в редких случаях (но это очень также случаи были) литературные опыты наших зрителей вставлялись в программу. Но спасло и за это.

У «Кабакона» миллионы друзей. Они с пристальным, пристрастным вниманием следят за его состоянием и недомоганием, соглашаются писать сигнализации о его недостатках. Они не хотят, чтобы он забывал уступать своим позициям, они его любят. Исполнение самых искренних чувств, зрителя не склоняют на советы. Они называют нас известными комедийными артистами, которым нам необходимо неизменно пополнять ряды посетителей и перечислять фильмы не менее интересные, но не пользующиеся в силу личности, чтобы мы упали бы, не вдумываясь включены в число заслуга нашего белокопытного питомца заведения. Примечательности зрителям столь разнобразных не поддаются никаким законам, что сама и та же имеющая нередко попадают в оба списка.

И при всем этом зритель «Кабакона

же к нему относится с симпатией и добродушием потому, что у наших героя есть и свои достоинства: они смелы и находчивы, они остроумы, они восхищают, они восхищают и добры. Редко же замечали? Все они очень добры. И в такие ситуации они не попадали, и мы не торкнувшись в них и кто бы ни был страдающим стороном, никого из жаждущих героев не вызывают у зрителя отрицательных эмоций. Они умеют различать изысканные человеческие качества, такие как лизоблюдство и сплетни, восхищают бездарность и тупость, драматическую и несправедливость. И когда среди этих людей, которых сажают не всем хорошо, но приспособлены благим намерением, появляется новое лицо, чужак, который ставит нашего старого, доброго знакомого не в гнусное положение, то сразу становится ясно, что у зрителя появляется раздражение его чувству желания, неловкости за незадачливого героя передачи, — заману прещай недобровол. Он никогда, ни через какое время не обретет себе поклонников. Потому, что Юмора не соответствует природе юмора. И он должен вызывать смех, а не слезы.

Без непосредственного контакта со зрителем комедийному автору играть чрезвычайно трудно. Каждый из моих коллег испытывал, вероятно, приятное, тягостное чувство, когда в свет на остроту из зрительного зала не раздается ни одного звука, даже отдаленно напоминающего смех. А вспомним историю Юрия Гагарина. Родичи настаут через несколько дней, когда на телеграф приходит новый поток писем. И мы не всегда ждем с нетерпением.

Работу над передачами практически мы не прекращаем никогда. Одну пропускаем, другие — нет. Немедленно начинаем работать над другой. Наша пружинность и ответственность работы заранее исключают несерьезное к нам отношение.

Моя персонаж — Ведущий — находится в весьма сложном положении: с одной стороны, он участник «Кабакона», с другой — зритель, потому что именно так должен относиться зритель и происходящему, именно таким образом, чтобы зрителю не требовалось на доступных ему языках футбола, Ведущего можно привязывать к полузащитнику: он должен защищать свою ворота и в то же время помогать своему команде забивать голы.

Дико не всегда еще исполнитель не пронзительнее действительности, поражает, какими важные социальные темы. Вот, например, вспомним историю чистого юмора, забавной истории, наконец, просто от анекдота, но зрителя нашему этого мало...

Над радует, что «Кабакон» остается любимым развлечением передачей. И уже не одно десятилетие. Такие программы как «Кабакон» — это сородичи, «А — муха, девушки», «Карусель», да и в каких-то степенях наши госсерийные кинофильмы используют опыт «Кабакона». И это тоже свидетельство ответственности нашего общего дела.

— Как поживает пан Моника?

— Что с паном Эссеин?

— Когда мы увидим вас в следующий раз?

Энциклопедия инженерной энергетики сказала мне, както, что если передать «Кабакон» «Мосфильм» должны добавить «липовые», дополнительные мощности. Наша аудитория много-миллионна. Раз в месяц мы выходим на ее суд. Мы не видим лица своих зрителей, но слышим их смеха, но знаем, как они реагируют на те или иные сюжеты. И это делает нас очень радостными. Поэтому в которых уже раз — я жду, когда загорится красная лампочка на камере, через несколько мгновений я должна сказать: «Добрый вечер, дорогие друзья! За-

Ведущий МИХАИЛ ДЕРДЖАННІ

В КАБАЧКЕ «13 СТУЛЬЕВ».

нос вранья в эстрадное, то получится: с 5 к лишним, то подготовили сколько 10 эстрадных программ. Там не найдешься. На это мы способны ни один профессиональный театр миниматор. А мы способны! Но в этом достоинстве — недостаток нашего «Кабакона»: не всегда приходится искать место для добронравственных текстов и материалов. Редакторы передачи предполагают, что эта художественная работа в поисках достойного литературного материала, пригодного для актерского исполнения. А если еще учсть, что на сатирическом фронте дела у нас обстоят недостаточно хорошо и хватается обиженные, то, конечно же, проведение еще не пришло времена, когда зрители должны по достоинству оценить доблестный труд наших «Кабаконов».

На зрителей, по правде говоря, грех жаловаться. Самые забывчивые из них даже пытаются пробовать себя на звучурном поприще и ради наших успехов готовы превратиться в авторов юмора, чьи высказывания своим пародии, шутки, рожицы, рассказы. Достато и выясниться старая истинка, заключающаяся в том, что

чрезвычайно консервативен: он не испытывает никаких перемен. Кто среди эпизодиков, привычных лиц появляется в новых новинках, на радиацию обрушивается одна писем: что такон! Зачем вышли? Но в них не было многих персонажей, которые сегодня принты и любими зрителем. Но все-таки это происходит с согласия тех, кто постоянно смотрит передачу, и даже если кто-то не любит лицо настолько сильно, что забывает о себе постоянное место. Однако такая

участь постигала далеко не каждого прещайца. Судьба некоторых сложилась печально. Примчина — в природе «Кабакона», его персонажем. Разберется в этом еще подсобное.

Когда-то один из участников кабака пана Юзефа Все как один пришли на традиционным представлениям отечественные герои. Они и неумны, и хитры, и простоваты, и вдовьмы, они и невежественны, и неудальны, и трусливы, и настыщены, а кроме того, они импонируют и не очень-то кисятся со своим человеческим достоинством. Чего уж хуже! И все

ПАМЯТИ ПЕРВЫХ ВИДУНИЙ.

# ДЕНЬ НА

Геннадий ЯКОВЛЕВ

**У** каждого первого утреннего час работы — свой, пособному ложащимся в разные стороны уголки минутной жизни, где каждая боямой или маленькой радостью, пустынными или серые зорьками, огорчением, утомительной будничной пустотой или просто скучкой, которая все же, как иной камень, тает под собой родничок — наядеется приход нового, более светлого часа.

Волода, худенький паренек с притягательными глазами и негустой щечечкой бородкой, берегся за кирку сразу. Он, когда еще поднималась на Ильяту по земельному плавневому склону, ходил впереди, а вспомнив себя — да! Всюду на работе каждый раз, как начало жизни. Есть у него ясное сознание, что этот первый час — уже сама работа, и как начинешь ее, так дальше и пойдет, таким дальше и будет делать ее сам. Володи для археологов, поэтому ему забороты едва ли не в семье. Красивый и в Архангельске, и в Сибири соображает ему чувство некоторого пренебрежения над здешними краевыми ребятами, не испытывавшими морозов и пург. И это естественно, необходимо ни для какого чувства нужно подкреплять, конечно, работой. Кирка взлетает на голову, как машина, и вспыхивает, под ноги находит замки.

А Олег и вставая с нехоткой, и умыкаясь, опасливо прикладывая к лицу горсти холодной воды, и во времена застригака в фанеровых деревенских двора то и дело выбегал с очередным куском к Бобке... Хозяйка Ульяна Анфимовна покрикивала нараспев и вспоминала:

— Оляжко, жаль заставили! Не хайбаха потерпит. Тебе на работу тихай да жо.

Олег не любил первого утреннего часа, словно в этом часе умещается для него вся лень, нуда и тоска существования. И на коле... Олея вспоминает, что на краю земли, где — через реды опоры, через ветч и по краю вверх, к Ильяту, а в обход, мимо колодца, выбирал осенесенные солидном месте, чтобы было положе и теплее. Олея неодобрительно соглашается на неизвестную Володому спину, равномерно отдающуюся с киркою на землю, а сам быстрой скользкой рукой обнимается с археовскими ребятами новостями прошлого вечера.

Начальство — Игорь Георгиевич — никаких сердитых взглядов на Олега не бросает. У Олега не уходит античный высокомерие, и он, когда делает это фок-показом, воображает, что его погоняла Олег говорила, что позировала для каких-то художников, пишущих иконы. Кроме того, Олег много рассказывал о своей коллекции monet. Они перешли к нему из деда в количестве нечастных с по-ловинной тысяч штук. Разумеется, не эти обстоятельства могли быть причиной, почему было бы вызвать пижонским шутникам, удерживающим Игоря Георгиевича. Олег незаменимый человек на раскопках. Он одержим ар-

хеологией. Правда, это проявляется со второго или третьего часа рабочего времени, когда внутри у Олега вдруг соединяются какие-то контакты и весь он начинает двигаться как под током. Деревенские ребята живут по соседству с Ильяту. Они окончили по восемь классов и пока не знают, где дальше. Ильяту — кирка для них не игря, не то, что работа, не то времепреиспроведение. Они еще и сажи не знают. Поэтому для них первый утренний час работы — что второй, что третий, что последний. Любимое их слово — «переверни». Они так называют рабочий день:

— Игорь Георгиевич, кирки, долы, то и фонариками! И таки подставили. Переверни!

И все таки Игорь Георгиевич любит этих ребят. Несмотря на стабильную склонность к сачкованию и благуруству, Аревенески могут работать хорошо, их решения и реакции всегда неожиданны, отрывисты, как побои пояса, поэтому им забороты едва ли не в семье. Красивые и в Архангельске, и в Сибири соображают ему чувство некоторого пренебрежения над здешними краевыми ребятами, не испытывавшими морозов и пург. И это естественно, необходимо ни для какого чувства нужно подкреплять, конечно, работой. Кирка взлетает на голову, как машина, и вспыхивает, под ноги находит замки.

Игорь Георгиевич спалось плохо. Снова одолевала сыпь на темы оставшихся дома рукописей. Даже здесь, в тысяча километрах от Ленинграда, не удалось оторваться от них, отторгнувшись теснотой, давлением, перегрузкой, склонностью к головам, оторванным. Может одни из другой воспринимают картины полемических боев, рождаются новые аргументы, которые могут пригодиться в будущем, вычерчивает маршрут предстоящего поезда, вдруг озаряется новой идеей, и приходит вспоминать забытые разрозненные суждения перед склоном горы.

Но в записанная на бумагу память не дает покоя: обрастает новыми... И все думается, думается и не спится. Потом утомленный мозг начинает дремать. На скрины сознания возвращаются неясные очертания. Игорь Георгиевич поворачивается на правый бок, сдвигает с себя одеяло, встает, медленно проскользит к ленте постельного принадлежности по Египту... А это уже Анже. Потом Греция. Венецианская древность, грандиозно вспыхнувшая в окне времени на цитаделях акрополей и пирамид. Сфинксы раздуливо выхаживают защищать отработанного бензина. Они не сидят, вон сидят, они сплющены, и они сплющены.

И археологии, словно акварелисты, все глубже, глубже опускаются в пучину времени, разглядывают и опушают остовы затонувших кораблей... Вот полуразрушенные ворота. Огромные ступени ведут в город. Здесь живут люди, предают. Они не любят, но любят, и они любят, как письмо, как песня, любят, любят, любят...

Как все знакомо... Ильяту! И приходит сон, спокойный и глубокий, потому что завтра утром Ильяту ждет наизнанку.

Для Игоря Георгиевича Ильяту первый утренний час работы — это правило — правило, правило, правило. Заложены и сданы в архиве, никому прохожим недоступны. Включены в прематрическую мощность лазеры прогнозов. Логотипы внимания не пропустят ни одной легчи, все появляющиеся штрихи и контуры раскапываемого горо-

да берутся на учет. И в это же время Игорь Георгиевич во вскоре жизни человеческих.

— Ребята, я не слишком на вас даваю! Я демократ, но дело есть дело. Нас мало, и мы должны работать.

Составляя план, этот первый час работы для Игоря Георгиевича никак не отделяется от остальных часов.

Темперамент проносит его по всему рабочему дню, как по одному часу.

Уже все изгнулись в работу. Даже самые ленивые забыли про свою отвращение к лопате. Телы сажа трах как коровы языком, слизнет, никто не заметит.

Ребята, пишем горизонт жизни... Игорь Георгиевич отрывается от записей, берет кирку и делает под ногами.

Составляя план, этот первый час работы для Игоря Георгиевича никак не отделяется от остальных часов. Темперамент проносит его по всему рабочему дню, как по одному часу. Так же изгнулись в работу. Даже самые ленивые забыли про свою отвращение к лопате. Телы сажа трах как коровы языком, слизнет, никто не заметит.

— Нормальный ход, — говорит Волода.

Это — его любимое выражение, первое, что приходит в голову, когда он входит на морской охотничьи.

Хоровая погода — нормальный ход. Доклад — нормальный ход. Есть Еле — нормальный ход. Есть нечто — нормальный ход. Радостно ли, скверно ли, справедливо ли это поступка, или обидно — нормальный ход. Целая система установок народов, выведенных из садовья сказом.

Нормальный ход. Вымощка есть... — говорит Волода. Разбитую землю и вылезущие камни он перекладывает в тачку, стоящую на уровне его плеч.

Час отряда продолжается на четверть метра глубже. Пот, ногами блеск белые пятна древнего поля — синицы. Где-то зверьша должна быть стена.

— Стена нет. Нормальный ход. Игорь Георгиевич — кричит Волода, бросая лопату и снова заносит кирку.

— Скупо, аж жут..., — напевает Олег.

Игорь Георгиевич делает ложный шаг, о моральном кризисе, принимает меру.

— А я, когда был студентом, два месяца рассказывала древнюю уборную. Нуужно, ребята, пожалуй. Задесь сейчас рассказы сюжеты из истории, обзоры, обзоры, памятники. Но старые решат — пальмировка, археология города. Ты, Олег, кажется, собираешься стать археологом, притворяться киркой, скучной работе.

— Нормальный ход... — весело отвечает Олег, поднимаясь Володу.

— Даайте ошпарку приведи, сна нам стекну укусил, — говорит Толик, и в тачку землю. Среди аревенеских ребят он выделяется прической древних русских молодцов.

— Работать, ребята, работать... — повелительно командует Игорь Георгиевич. — Я вам плечу по да пялдесят раз, чтобы не потягну в остроумии, а за выпнутую землю.

— Игорь Георгиевич, а вы не скажете же? — скромнично спрашивает Саша-Костя «Костя» — это доблестные ребята за счастье Саша с одним из которых, я думаю, придется на перенесенную пытку. Его примеру следует всем отра. Саша-Костя блещет промахами: Игорь Георгиевич забывает на несколько минут, что перед ним не студенты, а раскопщики. Правда, он требует активного участия в знаниях, а это часто было потоже тачки. И вспоминает, какими были первые.

Так и есть. Игорь Георгиевич со скрупулезностью выступающего перед коллегами ученого начинает отвечать на вопрос. Так он уже рассказал ребятам историю Древнего Египта, Древней Греции, Боспорского царства, историю ордынцев, историю викингов, историю городов и городов, познания с пародийностью жизни великих полководцев, поэтов, ученых. Не было еще вопроса, который не удастся бы интересующему циника-педагогическому отвeta.

Но Игорь Георгиевич тоже не является. Он, конечно, может рассказать, что вчера кот — ласка и минет ребята сажа берутся за лапы и кирки — то ли их гипнотизируют неизвестные им раньше факты, то ли он начинает как бы стесняться столь большой учебной задачи своего руководителя, то ли им движет уважение к тому, что он сам изменил энциклопедию знаний. Но вдруг ребята мимоходом призывают его за дело, не переговариваясь друг с другом, старясь не звенеть лопатами, чтобы смыть былое очередную аревенескую повесть.

Игорь Георгиевич как бы загораживает им своим огромным телом, который можно было бы назвать «Лисица и одеяло лекции». Работа идет беспорядком. Игорь Георгиевич иногда прерывает рассказ, делает записи в своей тетради, даёт указание, где копать, где расчистить, и снова ведет за собой юные штаны по аллеям широкой индейской деревни. Аревенески разместиваются в его голове.

Над Ильяту висит солнце, залывает окрестность золотым кинехтом. У солнца тоже разные работы. Только на маленьком участке планеты Земля, обозреваемом с Ильяту, в это время нужно осваивать землю, потому что впереди прорубка склонов выхаживанием тамак, чтобы не на них могли выскочить ящерицы, заставлять сверкать серебристой колымчатой кишкой моря вадаке, отбросить тело от древних башен. И на конец... Много заботы у солнца. У каждого луча своих забот. Солнце не просто раскинуло ветви, оно вознадеяло и содер- жит в ослепительном блеске дворец жизни.

— Ну, что, наши мраморный дворец? — Это спрашивают пастухи. Они из-за бугра выпрыгнули на лощадях и остановились перед развалинами спины к солнцу. — И чего вы все роете? Думаете, это мой конек? — Пастухи разворачивают лошадей и удаляются к коровам,

# ИЛУРАТ

Игорь Георгиевич не скрывает раздражения:

— Запомините, ребята, мы цыpher не предметы, не вещи, а историю. Помеха к раскопкам — от точки зрения кла- дискователи — античный. Мы ищем истины. Клад истин — вот что такое наука.

А все-таки неплохо было бы, чтобы-нибудь найти, — шуршит на солнце Олег.

Теперь рабочие часы будут спускаться под горку. Деревенские берут двадцатиминутный перерыв — перекусывают. Они располагаются на возвышенностях за башней. Игорь Георгиевич и Олег пускаются в спор:

— Что Илурат? Вот в Ольвии я был — раскопал.

В древности мы цыpher не только красоту. Игорь Георгиевич спорит жестко, как будто перед ним матерый противник его убеждений, а не ухмыляющийся Володя Олег. — Вот волны современности. Деревни Ивановку, в которых живут мы, — это Твой деревню Ульяну Апфурину, — к которой шесть лет оставалась основатель раскопок на Илурате, мой учителей Виктор Францевич Гайдудович. Разве этот домен инженеров тебе? Разве познакомившиеся с ею козявками и обитателями, ты узнаешь об нашем деревне? Или нет? Ты бы узнал через папиных сообещаний «Известия» или «Прицестра»? Нет, простите! Археология чужда табель о рангах. Проститее ее в подтверждение и подкрепляет величайшее...

— Игорь Георгиевич, а правда, что Виктор Францевич умер в Крыму во время похода?

Все умолкли. Тишина сразу превращает Илурат в печальные, спиротские развалины.

— Да, он умер во время раскопок. Изумительный был человек. И ученым блестящий... Одна из виднейших исследователей Боспорского царства. Археолог строит для современных мечты в прошлом. Тонко с ней можно по-настоящему познать и понять человечество...

Олея пришел к небольшой выемке. Разгребая пальцами землю, попросил нож.

— Ох, авабю, когда Олежка что-то ищет, приступает к земле! — восхитился Саша-Костя.

Игорь Георгиевич, а что, если я золотую монету найду? — не оборачиваясь, крикнул Олег.

— Опять же свое. Впрочем, за твою нахадку... Но здесь ее не было.

Олег весь скрючился, подобралась рука к ножу.

Ребята струились над ним. Внера Волода нащупала стяжку. Черт. Нос у нее был слегка отбит. Но удивленные широченные глаза вполне сохранились. Лицо было странно неестественным.

— Неужели они такие были? Как мародеры прошли по Саше-Кости.

— Виноват, был бы им на тебе, тоже шарахнулись бы, эти илураторы... — сострия Толик.

— Ты не лучше. — Саша-Костя обиделся.

— «Да, скифы мы» — процитировал, ни к кому не обращаясь, Игорь Георгиевич. — Да, азиаты мы с раскосыми и зигзагообразными носами. Но, конечно, здесь больше метафоры, экспрессии, чем историческая правда. Был искаженное сравнение и нашел его.

Олег продолжал копаться. Сперро-

вавшая земля приводила обгоревший камень. Под ним скрывалась какой-то предмет. Олег вдруг закричал как ре-

бачу. — Хорошо. Это светильник. Отличная находка... — Игорь Георгиевич сорвал педагогический тон. Глаза Олея неутолимо горят. Все видели, что он наделал полную похлохи.

— Особый замятный спад. Игорь Георгиевич, — сказал Саша-Костя ребятам, что склонялся, уже на кончике языка, — это нужно видеть, результаты в Але-

нандриде такими темпами Илурат раскопать не удастся и не остав-

шую часть нашего столетия.

Но это не очень действует. Настан-

твительное ожидание конца рабо-

ты. Еще одна скрипка, скрипка, скрип-

такая, а в массах раскопанных уже деликатно отскока, кто где. Игорь Георгиевич чувствует это. Ему станов-

ится немного одиноко за Илурат.

— Саша, — обращается он к Саше-Кости, — а вот ты видишь целый мир в своем

— Да, действительно выходит тор-

— Фу, панака какая! Да поможем ты махай! — отрывается Толик на од-

ном из ребят, продолжаясь рабо-

ты. — Видишь, какой сердечный воп-

рос.

Раскоп замерает.

— А какая эта цель, Саша? — Игорь Георгиевич сжал кулаки, сжал сердце...

— Вот для чего ты колени склони-

— Довольное выражение смеется у Саша-Кости на растерянном. Он знает, что ответить, но как об этом скажи-?

— И Саша-Кости мистик. Мол- чит, И потом дару тихо, как бы сда-

ется, произносит:

— Чтобы деньги заработала.

Игорь Георгиевич подавлен, почти

убит:

— А деньги зачем?

— Штамп купала! — И Саша-Кости с какой-то обидой на себя заки- вает: — Я их уже заказал.

— Ях не кончились. Игорь Георгиевич, — дружелюбно раздосадованый, выпустят всю обиду!

Выходит, изнутрины жизни здесь 1700 раз настали, чтобы ты сегодня за-

работала себе на штамп?

Всебойкий хохот обрушивается на белую Сашину-Костину голову. Чут-

ько-чутко, вспыхнув, что стрекачи

стуют уже там, где Саша-Кости.

Рабочий день ушел. Он скрутился сталь сталью, притянутый, необъяснимым. Вроде уже и не хочется рассматривать, прятать в древние погреба имен-

ты, оставлять Илурат в одиночестве.

Недалеко стояла вместе, потом Олег и Волода. Саша-Кости был склонен

склонен, что быстрее и легче, ближе к железному обдуви, чтобы, уже на-

верняка дышалась на плате Ульяны

Апфуриной. Еще они и потому хо-

тели скорее очнуться там, в Иванов-

ке, что могли быть письма из дома...

Остальные ребята тоже собрались уходить. Но как-то опоздали на место. Их кто-будто на начальство зовет. Их было осторожнее, но и нее иль-

ко деревни казалось несколько скучным, быстрее хотелось остаться одним, дать волю своему ни при ком

постоянном невозможному разговору. Но все же из почтения к Игорю Георгиевичу ребята медалили. А начальника, погибшего в Ивановке, хотели бы оставить в память о нем в краеведческом музеи в одиночестве эти сны казаков-старожилов.

Каждый день он был разный — и каждый день ожидалась незаметно для занятого работой мозга, ожидали, как волынья прогука мыслей. Но Игорь Георгиевич погадал на ребят, и ему стало совсем, вроде он из них выбыл, — что впереди. Их нечестивые неуважаемы к нам и дальше рабочего дня дадут с ними иметь не хочет.

И пошли все вместе.

Когда пересеклась овраг, бывший кол-

ьодом рулом немалой реки, и отступи-

ли на противоположном Илурату оврага, склону уходили по другому. Илурат стал более замятным, скромным, обгоревшим стволом.

Огромный холм имел смешанную верхушку, вместо которой была плоскость — что-то вроде посадочной пло-

щадки для некрупных самолетов. Плоскость эта была слишком пра-

вильной, слишком ровной для при-

роды, слишком зелено-серой, — что бы-

ла скопье лет разрушением, кра-

поста, затянутое лесом, словно снес-

вшим и, заполнив объем, сверху уже

больше не ложился, остался на уровне

крайне упогущенного города. Поэтому и прославился в глазах поэзии, спутни-

ци, сказки, окружающих окрестах

Ильи ильи. Ильи ильи, рассказывало регу-

лярно Ильи ильи. Георгиевич не исче-

зжал бесследно, а откладывалась и

пространство.

А вот если бы одни были на земле и

скрипка, скрипка, скрипка, скрипка, скрип-

ка, скрипка, скрипка, скрипка, скрип-

открыть, и города построить, и кипит

все написать...

— Этого мы не смогли бы сделать с вами и за миллиарды лет, — с при-

вычной научной определенностью заметил Игорь Георгиевич, а сам, скры-

вавшись, с удивление, посмотрел

Вито как в новом, ранее незна-

комом человека.

— Да мы бы одни Илурат за свою жизнь не откопали, — простодуши

вася в своем бесславии Саша-Ко-

стя.

Даже на карту настени Крым со всеми подробностями я бы не сум-

ил... Ты же, оставаясь, посмотрел вокруг и закончил... — Все-таки пра-

вили, что люди до нас жили и все сделали.

— До всего очень далек. Это —

только начало. Наша цивилизация, по-

моему, предвещает невероятному скажет, всем человечеству, — сказал Игорь Георгиевич.

Так, значит, наша работа на Илурате — тоже часть этой всей работы, которую на земле надо было бы сделать, если бы мы одни тут бы были... Саша-Костя, очевидно, не мог размывать шире Илурата об эволюции и прошлом.

Игорь Георгиевич, обрадованный, что все так удачно с точки зрения воспитания и конкретных задатов по раскопкам повернулся в этом аб-

страктном разговоре, тут же осыпал Сашу-Костя комплиментами, тот даже зарделся.

Витя, высказавший, видимо, впервые в жизни, что он может быть бесстыдным, я бы все на земле сделала, что сделали

я на дне моря и земле, — сказал Игорь Георгиевич.

— Если бы я был бесстыдным, я бы все на земле сделала, что сделали

я на дне моря и земле, — сказал Игорь Георгиевич.

— А как?

— Лучше, — был ответ. — Я бы все на земле сделал, все в море, машинами, горами, садами, деревьями, об-

щем, все. Открыл бы законы природы. А потом бы принарядил на землю людей и скажал им, чтобы они жили и пользовались, чтобы им не было спрятано. Все у них есть,

ищут только стараются сами быть лучше.

— Пока получалась наоборот. Тебя привлекла люди на землю. И говорят, что лучше, — и все, машинами, горами, садами, деревьями, об-

щем, все. Их не было, и спрятано, хотелиось бы. Мы дали на Илурате-то скопища, и я вас все время подго-

нил. Витя опустил голову. Он смутился, и обрадовался, чувствуя, что Игорь Георгиевич принял его всерьез,

— Да, много дел на земле... — сказал Саша-Костя... давайте скорее копать Илурат.

— Ведь мы не бессмысли, — с улыбкой добавил Игорь Георгиевич и этот вечер впереди провел с деревен- скими ребятами.



Дьердь КАЛЬМАР, венгерский публицист

# ПЕРИКЛ И «ЗОЛОТОЙ ВЕК»

Фото Сергея МИХАЙЛОВА



Чувствую, что в заглавии моих заметок есть определенная условность. И все-таки я буду писать о Греции и о Греции — скоро один из героев этой истории поспеет прощание «Перикла», я колеником вспоминаю античность и так называемый «золотой век Перикла», который Маркс считал эпохой высочайшего внутреннего расцвета Древней Греции.

Все началось с письма, которое однажды полу-

Кажется, это Чапек с первымым видом, честный фотографов: легче всего снимать вокзалы — они не движутся, а труднее всего — узлыку, ибо она живописна. Но Будапешт позор узлыку, и они обязательны попадают в кадр, будто из столовой дешевой гостиной, где конь житель венгерской столицы отправляет в путь свой первый пассажирский поезд, будь это на старинной уличке Будапешта, где начинает свой жизненный путь новая молодая семья...

чес журналист (то есть я), редактирующий молодежную страницу в партийной газете «Нензабадш». Это было странное письмо. В нем, в частности, говорилось:

«...В наши будни вошли многочисленные дискуссии о мозговании, о ее роли в обществе, ее и пр. К сожалению, я не могу привести здесь полный дискуссии». Канцлии либо конкретных вымогателей из них, где происходит издевательства над студентами, либо из-за отсутствия денег, чтобы получить готовые мозги, кое-кто даже разрывал радиостранники зеркалами. В самом деле, почему же члены совета должны мозговать, если мы, стремящиеся действовать, на знамя гоз ждем? Так ли же со стороны сами обвиняемые? Человека, который не может разобраться в том, что проблемой в нем является лишь улучшение жизни, а не мозгование, не может быть представителем для различения молодежи. Газета не является виновником борьбы за новое общественное сознание тех, кто не имеет даже минимального образования: холодаильники, дачники и большие пенсии?

Нет, мы не для догматизма, мы для новых механизмов человеческой сознаний, для революционности нашей жизни в лучшем смысле этого слова!..

Сувенирный поясок Иоахим РАДВАНСКИ, Лайош ШОМОДА, Будапешт.

Я получую немало читательских писем, но такого еще не было. Я быстро написал ответ: приходите, моя в редакцию, познакомимся.

Извините, но мне две страницы лишни.

Однажды я встретил в вагоне, в волнах, спадающих на пласти в белой водолазке, юношу Ежи Радвански и он-то, как выяснилось позже, Юлиуш Пшиборский. Тогда я написал ему письмо на английском языке: фраза «Приехал Арутей» — чуть позже, в один из последних дней, вспомнилась мне вновь. На него красовалась фраза: пурпурного студента, а на носу — очки в проволочной оправе, которые, по-моему, приносил им их обладателю минимум поплы, ибо он все время моргал поверх очков. Этими глазами звали Алоиза Шомоду. К пражским обоям были прикреплены значки величинного смысла: перекрещнутая водородная бомба и слово «Нет!».

Их биографии были коротенькими, но, я бы сказал, захватывающими. Оди окончил техникум в Озде — старинном северовенгерском городе метэллургов. Шомода вырос в интересце: отец он не подал примера, мать — в народном училище, в учреждении и воспитывавшем сына не заставила его никогда не стремиться стать мояжом, вернее, учительницей. Учительское положение Венгерии — речи не было, но попал в каком-то книжном красном промышленническом городе, ему показалось, что это был Озд. И он махнул туда на учебу, после выяснилось, что везде показывали Думбайшоры, в Альше уже было то время студенчеством техникума в Озде, где встречалась Юлиуш Пшиборский. Радвански родился в семье гастарбайтеров, и сейчас работает в сельскохозяйственном кооперативе. Учитель сельской школы убедил парня, что его дело — радиотехника, и Иоахим тоже оказался в Озде.

Они подружились во диспутах, которые проходили в коллекции техникумов по всем занятиям. Алоиз и Юлиуш были первыми людьми человека. Шомода считала себя анархистом, Пшиборский — коммунистом. Через некоторое время мысль в их лакомых головах все же стала проявляться. Иоахим стал членом Венгерского коммунистического союза молодежи, членом студенческого совета в техникуме, а потом и его секретарем. Лайош тоже был в руководстве студенческого совета, пока не выяснился, что он — анархист. Иоахим и Юлиуш вспоминают в рядах ВКСМ. Впрочем, сейчас это их обличает не забывчивостью, а тем, что в техникуме тогда пропали в комсомоле несколько ребят-католиков: вместо того, чтобы доказывать товарищам из ошибки, Шомоду взорвалась и хлопнула дверью.

Правда, его общественная активность не это не помешала Юлиушу в «Перекрестках» создать клуб из трех человек, где они сидели в креслах об «альянтизма» в искусстве, то во времена конгресса венгерского вечера он выходил на середину балльного зала с самодельными плакатами и организовывал среди танующих пар демонстрацию под азартную: «Нет — этой форме!», «Долой агрессоров из Венгрии!», «Кто разрушает к трагедии Венгрии?».

Конечно, учеба в Озде Иоахим Радвански решала подать документы на юридический факультет Будапештского университета. Он прибыл в столицу автостопом, переночевав где-то на остроме Маргит, а утром, выпив напою три чашечки черного кофе, отправился сдавать первый вступительный экзамен. Однако с балами он не дотянулся до нормы, в университете не попал и начал работать мешанином в различных приборах на одном из будапештских заводов.

Першика быстро основалась на параллелистике и была даже принят в бригаду социалистического труда. Однако вскоре этот неумелый парень пришел к

выводу, что его бригада лишь производственным успехам соответствует завоевание социалистической, и хотя бригада это было присуждено на обезвоженном склоне, она требует от отказаться из-за его постоянных «подходов», пока мы подастся на взаимоудовольствие заслужим его...

Ну, а Алоиз Шомоду в нем взрывчатого материала было заложено еще больше: в свое время он чуть не взорвал техникум, проводя химические опыты (занес, устало, в Лайоша задорно обижал). Прибыл в Будапешт вслед за Петраком, он видел рабочих, мечтавших в автомобильно-механической школе, построить своим силами микроавтомобиле и самим доставить его венгерским бойцам, устроить грандиозный митинг-концерт для «академий, погруженных в свою личные дела»...

Тогда же Иоахим и Алоизом было написано письмо в газету «Нензабадш». Я не стал уверять вас, что они писали и отвечали друг другу, потому что вопрос затронул меня интереснее вспомнил. Мы напечатали в газете это письмо без комментариев и предложили молодым читателям принять участие в его обсуждении.

Ответов было много. Одним из первых откликнулся молодой техник с будапештского завода «Бедефард». Илья Петер Хади.

«Все, что вы пишете, это что-то дебильное, причем под одиночками я понимаю и группы энтузиастов. Ведь ни одному человеку, даже самому выдающемуся, не удастся изобрести что-либо, если он не станет хором организованного коллектива».

Сказали, Иоахим и Лайош пытались испытать товарищей? Говорили ли о проблемах, волнующих вас, с коммунистами? Мыслим ли, чтобы на заводе, где вы работаете, не было никакой политики, кроме политики «одного человека» — «альянта», со знанием жизни горячего момента? Вы можете...

У меня нет еще не паспортный опыт, связанный с беспредельным извращением ВКСМ. Одна из этих вещей не означает, что нужно избегать политики, а то, что не надо избегать политики, и формируя организацию молодежного коллектива, и он, и биографические возможности для действия. И искренне верим в то, что не надо избегать политики, молодыми, обязательны получить поддержку, чтобы, когда речь идет о том, чтобы помочь вынужденным, то сама помощь не должна извлечь из автомата в джунглях. Но то, что делаем мы, строим политику, что делаем мы, это делаем, чтобы не требует муки воли, терпения, чтобы не требует его не всегда сразу ощущения. Не будем, если это возможно, делать из политики нечто, что было доступно всем. Так что не стоит возмущаться, что мы делаем политику».

Вот еще несколько отрывков из писем: «Конечно, самое важное — действовать». В этом и согласие с Иоахимом и Лайошем. Но притом что, я думаю, в будапештской школе не было времени для этого. Или же, что не было времени для этого, и не было времени для этого. Или же, что не было времени для этого. Или же, что не было времени для этого. Или же, что не было времени для этого. Но как делать эту самую «стену», никто из них себе не представил. Алоиз Шомоду, как всегда, требовал крайностей: то призвать себя перед американским посольством, то водрузить на этот дом венгерский флаг... И все же постепенно от идеи некоего вызыва, скандала она перешла к попытке улучшения выразить свою стремление. Но скажу, что это было ужасно. Потом, в Париже ужасно не клеились под ноги автомобилисты. В бывшем времени их театр притягивал Дом культуры Чепеля, крушениям его рабочей краиной: то призвать себя перед американским посольством, то водрузить на этот дом венгерский флаг... И все же постепенно от идеи некоего вызыва, скандала она перешла к попытке улучшения выразить свою стремление. Но скажу, что это было ужасно. Потом, в Париже ужасно не клеились под ноги автомобилисты. Но какое же значение имеет гордость, нетерпимость, злость, максимализм им по-прежнему не занимать. Я очень люблю их, даже когда этот раз лежит на них, потому что знаю: они ничего не хотят принимать в головном, разжеванном виде.

Мы вместе супружеская двойка Первого секретаря ЦК ВСРП товарища Янош Кадара на Х съезде партии, когда говорил о молодежи, он так сформулировал задачу молодежи перед ВКСМ:

«Прошлом году я был в литературном театре «Университет». Авторы тоже говорили о Венгрии, о будапештской жизни. Несмотря на то что я не знал языка, я слышал, что говорят о наших соках, об их рабочих мечтах, об их будущем, другая за пищущей машинкой, третий в военной казарме. Разве это не революционная политика? Техники ЛИНОШ ПЕТЕРИ, текстильная фабрика «Гольварбергер».

«Что такое революционная политика? Некоторые из нас, молодые, ищут ее где-то далеко, где спаиваются партизаны, где совершаются бессмертные подвиги».

Прошлом году я был в литературном театре «Университет». Авторы тоже говорили о Венгрии, о будапештской жизни. Несмотря на то что я не знал языка, я слышал, что говорят о наших соках, об их рабочих мечтах, об их будущем, другая за пищущей машинкой, третий в военной казарме. Разве это не революционная политика? Техники ЛИНОШ ПЕТЕРИ, текстильная фабрика «Гольварбергер».

Я процитировала лишь четыре письма из огромной груды, которую доставили в редакцию по почте. Следующий отрывок — от рабочего-стипендиата газеты «Нензабадш». Он проходит в будапештской гимназии ВКСМ. В общих словах вывод был таков: сражаться против человеческо-исторического, империалистического общества можно и нужно не только с оружием в руках, но и проводя в жизнь грандиозное историческое назначение — социалистическое строительство, победа которого зависит от нашего умения, нашей инициативы, нашей ответственности. Смелость, революционность в нации дали не просто критика крупных или мелких недо-

статков, ибо без личного участия в борьбе за их искоренение критика превращается в демагогию. Да, у нас передали слухи, когда слово «революционность» давалось, когда оно сдвигалось к демагогии, когда оно становилось противоположностью позиций в работе. Исторически это неизбежно начинается, когда люди преобразуют устаревшее, отжившее экономические и общественные отношения, когда они прежде всего оценивают то, что сделано ими самими, а не кто-то другой за них.

Но вернемся к Иоахему-Перикулу и Лайошу. В их жизни тоже произошли немало изменений. Они уже перестали быть членами клубов по двух из трех человек. И любопытно то, что не только оба «возмутителя спокойствия», но и их новые товарищи сделали весьма важный вывод для себя: надо учиться. Перикл все-таки поступил на юридический факультет, Янош Петер участвует в вечернем университете, будучи экономистом. Петер Дэниэл заинтересовался в вечернем университете марксизма-ленинизма. Был он в Брюсселе, в университете, который, возможно, вдохновил его на то, чтобы стать юристом. Но в конечном счете Лайош поступил в венгерский коммунистический союз молодежи в будапештском Дворце спорта «Шпорчтаронк», вернее, сдала сейчас опять собирается сдать.

И еще одно: эта ребята создали «школьный театр». Правда, его поставки пока фигурируют в будапештской театральной программе, но они не стоят на ступеньках театра. Первый спектакль «Кауфман» априкоса поставлен на школьных языках, второй — на языке венгерской нации. Был венгерский театральный коллектив, вот только Лайош Шомоду спать не позволял вступительных экзаменов в институт он не вывержал, сдала сейчас опять собирается сдать.

Воскресным утром в начале зимы участников митинга ВКСМ встречала у «Шпорчтаронка» машины с надписью «Большевистская антиимperialистическая рабочая молодежь». Первый спектакль «Кауфман» априкоса поставлен на школьных языках второго, на языке венгерской коммунистической партии. А теперь, венгерский театральный коллектив «Большой цирк Соединенных Штатов!» Несколько упрощенно: «Большой, кусь цирк! А теперь же!»

Уже позже я пытался дознаться, что родилась у них мысль об «участном театре». Ребята отвечали, что начали это просто, оставлять прохожих и декламировать с импровизированной трибуны. Большинство, однако, проходило мимо. Но как же было дальше? Или же, что не было дальше? Но как делать эту самую «стену», никто из них себе не представил. Алоиз Шомоду, как всегда, требовал крайностей: то призвать себя перед американским посольством, то водрузить на этот дом венгерский флаг... И все же постепенно от идеи некоего вызыва, скандала она перешла к попытке улучшения выразить свою стремление. Но скажу, что это было ужасно. Потом, в Париже ужасно не клеились под ноги автомобилисты. Но какое же значение имеет гордость, нетерпимость, злость, максимализм им по-прежнему не занимать. Я очень люблю их, даже когда этот раз лежит на них, потому что знаю: они ничего не хотят принимать в головном, разжеванном виде.

Мы вместе супружеская двойка Первого секретаря ЦК ВСРП товарища Янош Кадара на Х съезде партии, когда говорил о молодежи, он так сформулировал задачу молодежи перед ВКСМ:

«Прошлом году я был в литературном театре «Университет». Авторы тоже говорили о Венгрии, о будапештской жизни. Несмотря на то что я не знал языка, я слышал, что говорят о наших соках, об их рабочих мечтах, об их будущем, другая за пищущей машинкой, третий в военной казарме. Разве это не революционная политика? Техники ЛИНОШ ПЕТЕРИ, текстильная фабрика «Гольварбергер».

«Что такое революционная политика? Некоторые из нас, молодые, ищут ее где-то далеко, где спаиваются партизаны, где совершаются бессмертные подвиги».

Прошлом году я был в литературном театре «Университет». Авторы тоже говорили о Венгрии, о будапештской жизни. Несмотря на то что я не знал языка, я слышал, что говорят о наших соках, об их рабочих мечтах, об их будущем, другая за пищущей машинкой, третий в военной казарме. Разве это не революционная политика? Техники ЛИНОШ ПЕТЕРИ, текстильная фабрика «Гольварбергер».

«Чувствую, что и в загадках моих заметок есть некая условность и сами они как будто бы не заинтересованы. Но я намеренно так делаю. В судье Перикла и его друзей еще многое должно измениться прежде, чем я смогу поставить в своем рассказе точку.



## Глава V. «ДЛЮ ТРЕТИЙ РАЗВОД!»

Утром Сергей встал немыслившимся и с трудом поднялся в себе неизвестно откуда вдруг взывавшееся раздражение. Чего это он в самом деле? Ка-залось бы, все идет нормально, даже успешно. События последних двух дней — обнаружение дины, а также то, что Юсуф вновь оказался в Омске, — явно приводили расследование всего дела. Этот Юсуф, беспринят, глазни фильтра, И Рожков, и неведомый пока Карам, и тем более Трофимов являются простыми исполнителями, «возчиками». А вот Юсуф где-то достает наркотик. Это — самое опасное. И Юсуф задержан. Так чем же Сергей недоволен? Чему ему надо? Дороги до конца приступной цепочки! Так ведь он идет к Юсуфу, чтобы убедить его, вылечить, излечить ее зево. Казалось бы, радуйся, чест! возмы! Просто ты вымоталась за эти дни, пот и вис.

Сергей потянулся и в одних трусых подошел к окну.

До чего же тут хорошо, в Ташкенте, тепло, солнечно, все цветет крохоту воздуху просто напою ароматом роз.

Он налил над широкой вазой, где извивали розы, Никитину и одновременно увидел стоящую у подъезда гостиными машину из города. Так и есть, он, конечно, опоздал.

Когда Сергей приехал в городок, ему почти сразу позвонил Нуриманов.

— Заходи, Жедем.

В салоне кабинета Юсуфа было Валькова. Тот, хмурился, сидел в своей креслице, с макияжем, любопытно смотрел на него, на котором резко обозначились синеватые мешочки под глазами, выглядевшие как сабо-зубчики. Увидев Сергея, он изумился и сказал, тяжело поднимаясь и покидая Сергею руку:

— Ну и отчимашися ты сегодня ночью. Еще одни свадьбы — и ты вся шайку передолешь.

— Было дело. Ильяс ушёл при мне.

— Принесли. Он тут разбуху что не утра стоял. Ни одна не сошла.

Гм... — закуривая пачку головой, Сергей — Странно. Сына она может быть? Юсуфа на свадьбе я не видел. Неужели я его проглядел?

— Ничего удивительного. Там же человек сто было.

— Если не болиши.

— Ну, нет, помышли.

— И все-таки странно...

— Чему думаете дальше? — спросил Нуриманов, взглянув на Сергея. — Людей у вас хватает?

— Пока хватает. А делать... — Сергей помедлил.

— У нас сейчас обозначились четверть линии работы, — негорячо произнес Вальков. — Леров ищет владельца газеты. Теперь круг сузился. Это кто-то из высших гостей?

— Юсуфа не искала? — спросил Нуриманов.

— Нет, конечно... — с сомнением в голосе ответил Вальков. — Это как раз уже легко проверить. Теперь вторая линия. Установка Николая Борисова. Этим занимается Ильясов. Письмо до востребования из Барска могло быть получено только по его паспорту. Поэтому в любом случае его надо установить.

У Ильясова осталось, кажется, двести таких Борисовых? — Сергей посмотрел на Валькова. Тот кивнул.

— Ему дали двух человек в помощь.

— Я прошу трех, даже четырех — недовольно возразил Сергей. — Это работу надо форсировать.

— Дадим... — коротко произнес Нуриманов.

Узкое лицо его становилось невозмутимым. Откинувшись на спинку кресла, он внимательно слушал.

— Даешьте... — попросил он.

— Теперь третий линия, — продолжал Вальков. — Дина Соколовская. Ее связь с Гусевым ее друг, которому она написала письмо, она сама что из себя представляет... Словом, очень важная линия работы. Вчера только этически и занималась.

— Беседовала? — спросил Нуриманов.

— Нет еще. С пустыми руками к ней иди бесполезно. Надо сперва все, что можно, узнать у неё.

— Ну, вот, — заключил Сергей. — А четыреста линий... Юсуф. Этим я сам займусь. Ведь какие деньги мне созвал, подлец, вы только подумайте!

Прокурор даст санкцию на его арест! — спросил Нуриманов.

— Надеюсь. Для начала это опознают Трофимов и его хозяинка. Надо за них послать. — Нуриманов молча кивнул в ответ. — И еще, думаю, — продолжал Сергей — какое даст и обиск. Тысячу рублей. Специализированный обыск. — Он обернулся к Валькову: — Быть это надо возглавить, Алексей Макарович.

Вальков досадливо вздохнул:

— Плохо. Без подготовки придется проводить. Так что большого успеха не ждите.

— Зато виноваты... — утихла Юсуф.

— Оччая ставка не даёт результаты, которого ждал Сергей. — Тысяча рублей и его квартира-хижина, которую Юсуф называл «обмык», начевавшая однажды в комнате у ребят.

И Юсуф каждый раз ходил подтверждать.

— Знаю, его зовут Борис... Знаю, зовут Зара Хамидовна. Ночевала там. Это точно...

Однако на вопрос, какое для порчею Трофимову, отправляем его в Борис, злобно скривил глаза:

— Никакого не давай. Всё он, собачий сын.

Больше в том доме Юсуф не покидался. Судя по пристрастям, соединенным хозяйкой, членами для Трофимова привнес туда Рожков.

А к концу дня вернулась бригада сотрудников из Балховского, проводившая обыск в доме Юсуфа. В качестве похищенных и добровольных помощников с ними ездила группа студентов юридического факультета.

Несмотря на скептический прогноз Валькова, обыск все же кое-что дал. В подвале в двух из многочисленных каструлях были обнаружены замятые толстыми салом целлофановые мешочки с наркотиком.

Теперь имелись уже все основания просить у прокурора санкции на арест Юсуфа.

Потом, когда Коринтому доказали было невозможно один из показаний Коринтова тут было мало, сидят, естественно, отсутствовали, а Юсуф категорически отрицал этот факт. К тому же он проявил немалую осмотрительность: записки, которые Юсуф подбросил Сергею, оказались написанными чьей-то посторонней рукой. Юсуф решительно от них отказался.

Несмотря на это, Юсуф подкрепил и показания Трофимова. Но обнаружение в доме Юкубова наркотика резко меняло дело.

На следующий день прокурор дал санкцию на его арест.

После этого Сергей снова созвещался с Нуримановым.

— Странно... — сказал тот. — Мы совсем не знаем Юкубова. Он не проходил ни по одному делу, он даже никому не известен. И его никто никогда не называл, — как сплюхнули.

Тем более наркотиком, — вставил Сергей.

— Да... — согласился Нуриманов. — Для этого нужны связи. И кто-то должен был это назвать. Значит, очень ловкий человек, очень хитрый.

— Интересно... — задумчиво произнес Сергей. — Очень ловкий, говорит... Гм... А в Приват Востоке он, между прочим, не вышибает... Ловкий.

В этот момент, кажется, вспыхнувший у Сергея израсходил какое-то неизвестное подозрение. Во всяком случае, с ним Сергеем, он поступил не так уж ловко. Ну, почту было организовано неплохо. Сергея так и не смог установить, что изображало брамблетка. Он не знал, что это такое, — ягоды, ягоды-брамблетки, которые были ягоды-брамблетки на пакете. Вон из какой-то ягоды-брамблетки, которая была ягоды-брамблетки на пакете, оставивший газету. Этот же человек, возможно, находился и в «Москве». Великолепный водитель, кстати, и Юсуф, конечно, не случайно взял его с собой. Выбор момента и места встречи с Сергеем был сделан тоже ловко. Но потом... Как Юкубов решался сам пойти на эту встречу? Это ведь был явный риск и явный просчет. Потом с Трофимо-

вым. Опять Юкубов сам появляется в том доме. Все сам! И этот разговор с Гусевым окончил аэропорт. И Юкубов, который прежде подозревал себя в том, умер! Если бы он вскоре там действовал, он не попал. В том же деле Странно! Действительно, очень странно...

— Где он работает? — отрывисто спросил Нуриманов.

С Очевидно, мысли его тоже скружились, когда Юкубов вернулся в превращение в поступкам Юкубова да и не мог в них разбраться потому, что не знал тех деталей, которые знал Сергей. Нуриманов пока стремился высчитать то первичное и самое необходимое, по которому можно уже хотя бы в какой-то мере судить о человеке.

— И как живет? — добавил он.

Жизнь да бывает, — отвечал Сергей. — Свой дом ведет он от героя. Молодой и полны циничеств. Вопрос только, откуда это все. Всегда работает сторожем магазина. Через две суток на трети. А, впрочем... — он усмехнулся, — вопрос тут нет. Но вот все сие, все сие...

Сергей снова вернулся к занимавшей его мысли.

Но Нуриманов думал о другом. Он по-своему уже знал, что Юкубов — это Юкубов. Извиняется за результаты.

— Пока ничего не ласт, — машично заключил он. — Доправливать его сейчас некуда. Надо парировать.

— Нет... — покачал головой Сергей. — Доправил проще всего сидеть. Ждем. Но Нуриманов знал, что Юкубов не разобрался до конца в случившемся. У него не было времени, чтобы понять, что это происходит, что должно быть, чтобы это произошло.

Сергей уже склонялся скамью такого допроса, он как будто нащупал ее головы нерв. Схема эта была рассчитана именно на то психологическое состояние, в котором должен находиться сейчас Юкубов, должен, если верна догадка Сергея, которая привела к нему только то, во время разговора с Нуримановым.

Таким образом, было вполне ясно в своей работе Сергей. За долгие годы службы в разрозненных силах это не приходил само собой, как некое случайное озарение, а возникло из накопленного опыта работы с самыми различными людьми, из появившегося умения улавливать, оценивать, наконец, объяснять малейшие изменения душевного состояния человека, который был ему известен, понимал и учился. Это тонкая работа напоминала ему иногда работу хирурга, который на ощупь, только кончиками пальцев своих пальцев находят невидимые газы сосуды или нервы. И Сергей находил высшее удовлетворение для себя именно в этом, наиболее сложном стороне своей инструкторской работы.

Но сейчас это было не то. Сергея беспокоило, что Юкубов, когда придет, не будет раньше, возможно, даже если он еще и понимал, что нальяется тем, когда этой догадкой, если она окажется верной, можно воспользоваться с наибольшим успехом.

Когда Юкубова ввели к нему в кабинет, Сергей сразу заметил, как изменился он за эти два суток. Юкубов, небольшой, существо, было боязливым, а теперь, спокойным, покрасневшим газа лицо было кротким, руки безвольно болтались вдоль туловища. Руки! Вот что в первый же момент привлекло внимание Сергея.

— Задавайтесь, Юкубов, — сказал он спокойно, даже как будто доброжелательно. — Садитесь. Вы плохо спали?

— А у вас разве можно спать хорошо? — раздражительно отвечал Юкубов.

— Вам, Сергея сделало удовольствие на этом слове, — коротко, но доброжелательно, у нас трудно.

— Почему именно мне?

— По многим причинам, — уклончиво ответил Сергей. — Я их вам назову. Не сразу, правда. Начнем мы с другого. Прежде всего познакомимся с санкционной прокурором на ваш арест.

Сергей поднялся умкер через стол бумагу.

— Ах, есть уже санкция, — ironically произ-

# БЕАОДИ СМЕНА

нен Якубов. Тем не менее он внимательно прочел весь текст документа.

«Для стражды ты одноко, слишком умен и разинт», — подумал Сергей. — И в одном из крайней мере я, кажется, не ошибся».

Когда же преступника вы, оказывается, поймали — сказал Якубов, закончив чтение и отложив бумагу.

Несмотря на насыщенный тон, было видно, что санкция прокурора произвела на него впечатление.

— Не очень крупного, — покачал головой Сергей. — Аловим и покрупнее. Но вот что я вам должен сказать. Преступление, в котором вы замешаны, я не могу оставить без внимания.

Сергей отметил про себя, что лицо Якубова оставалось бесподобным, вот только руки, руки задрожали, и он поспешно спрятал их в карманах.

— Я хочу, чтобы вы помнили и учили это, — продолжал Сергей. — А теперь пойдем дальше. Дело выше группового. Мы дождемся вашу связь с Рожковым, с Трофимовым, с неким Каримом и... с другим, — утих в групповом деле всегда откликавшим звонок Якубов. Но этого мало. В групповом деле всегда имеется глазомер.

Тут Сергей заметил, что Якубов насторожился, темные глаза его сузились.

— Да, глазомер, — повторил Сергей, — который несет главную ответственность за преступление. Этим глазомером наши работники считают вас. Не скрою, так думал и я.

— Вот я и думал, — проговорил Якубов.

— Аум... — с удивлением повторил Сергей. — Но сейчас я не думаю. И вот почему. Судите сами. Ну, кто, например, по своей воле будет все время лежать на рожках, все время рисковать собой?

Аурах? Но мы совсем не дураки, Якубов... Тем не менее мы все время выполняем очень опасные, очень рискованные и, в общем, совсем неслыханные дела, когда вы, господи, вы глазами, вы поручами бы дружили. И один из этих дел вполне естественно, конечно, выносим правдой.

— Никаких таких дел я не выполняла, — хмурилась Якубов.

Но в голове его не было убежденности, не было решительности, было лишь упрямство и еще рас terrainность. Якубов, видно, не мог решить для себя, что же является главной, что является глазомером, то есть способом, каким он может быть такого глазомера называть, или утверждать, что глазомер является он, и тем брать на себя всю тяжесть дополнительной ответственности.

И он инстинктивно старался оттянуть момент, когда придется такой выбор все же сделать.

— Ну как, вы выпалили? — взразил Сергей. — Ведь вы же достаточно много знаете, Якубов. Вот я буду верить Трофимову. Примитивное, но рискованное дело. Или наша с вами встреча. Тоже, согласитесь, неизбежное дело. Всё кто-то поехал на эту встречу.

— Никто меня не посыпал! — запальчиво воскликнула Якубов.

Сергей покачал головой.

— Вам не было на свадьбе. Там за мной следили, а вы не видели. Я не рискнул встретиться со мной. Вместо себя он привез вас. Он вас и в торжество пошлет вместо себя.

— Я не собираюсь за другого... — Якубов гарпуном словно захлебнулся последними, не пропищевшими еще словами.

— Надеюсь, что не собираетесь — спокойно согласился Сергей. — Что, хотите еще примерки? Пожалуйста. Кто ездил в кишак? Онтья ви.

— Но нет же.

— И вы тоже. А в день явления Гусева? И тут именно вы оказались на его пути. Это вам он обьявил, что завышает, что больше.

— Нет! — яростно вскинула Якубов. — Я случайно там оказалась! Случайно! Рожков все равно бы его убил!

Видно было, что онешамлен и издергал, что у него не было сил сдерживаться.

— Рожков не было с Гусевым никаких счетов, — резко ответил Сергей. — Никаких. Ему велили это сделала.

— Все равно! Я не ведаю! Я даже не знала!

— Знали. Вот уж знать вы знали.

— Ну и что?! Но я не веда!

— Это верно. Веда другой человек. Тот самый, который послал вас вербовать Трофимова, даты мне взялку, посыпал в кишак лы... Кстати, вы как тут... — поездом, самолетом или на машине?

— Как ехал? — растерянно переспросила Якубов. — Не помню я, как ехал!.. И вообще я никому не ехал!..

— Вспомните. Мне тоже придется скоро туда поехать. Так вот. Нам нужен тот человек, — резко переменился тему разговора Сергей. — И вы...

— Не знаю я никого, — сказала Якубов. — Скажи же мне, если это даже ошибка. Вот слушаю...

Она ныссыкский плотный, ему лет 30, сорок, круглое лицо, тоные уши, вроде вавашин, гладкие губы, ногти тюбетейкой, коричневый пиджак...

Сергей почти слово в слово повторил премимы человека, звонившего три дня назад в Борск, которые сообщили ему и Балыкову жена убитого Гусева.

Якубов пристально смотрел на Сергея, потом прорыдала набегавшую слезу.

— Вот... — сказал Сергей. — Вам нужен тот человек, который несет главную ответственность за него. Подумайте. И все взвесите. Завтра мы снова с вами встретимся. А на сегодня хватит.

Она встала, обошла сиденьем у стола Якубова и, отворив дверь, вышла из коридора копий.

Якубов усмехнулся.

Составились они. Сергей некоторое время курил, отдуваясь от сигареты на спинку красса. Ну, вот, агада его подтвердила. И он вновь провел этот трудный допрос.

Сергей позвонил Балыкову, но того на месте не оказалось. Тогда он позвонил Ибадову.

Сергей звонил Ибадову в тот вечер, когда то-до-ложу, глазомериста — саратовка прокричал в трубку Мурат. — А сейчас я пошутил, если разрешите. Очень надо спешить, Сергей Павлович!

— Ну, давайтесь, давайте, — улыбнулась Сергей. — А где Леров? Пустяк зайдет.

— Давайтесь к вам зайдет, пожалуйста!

Леров ввалился в кабинет Сергея возбужденной, не меньше Ибадова. Студ жалобно скрипнула под его тяжестью. Откинувшись на лоб светлых волос, он радостно прогудел:

— Значит, Юсуфа взяли сегодня, Сергей Павлович?

— Именно. Видел, как подоленко на свадьбы ходит?

— Ну, значит, все тогда? — удовлетворенно спросил Леров.

— Как так все? А владелец газеты?

— Леров задорог.

— А я надеялся, что это Юсуф.

— Его фамилия, между прочим, Якубов. Он не был на свадьбе. И он не получает газет — уже серьезно ответил Сергей. — А тот человек, кем вы сейчас нужен более, чем раньше. Давайте-ка разберемся, что у вас там творится с этими подпичками. Саймонова видели?

— Так точно. И еще кое-кого. Припомните всех, кто был на свадьбе. Сто тридцать семь человек, все считал ребятишек.

Леров был уже спокоен и сосредоточен, ст прежнего возбуждения не осталось и следа.

— Из этого числа можно исключать женщины, — продолжал он. — Они не придут на свадьбу с газетой.

— Правильно.

Вдвоем они внимательно перечла составленный Леровым список. И Гончарук аккуратно выбирнула женихов.

— Ну, вот... — удовлетворенно произнес он под конец. — Наполовину убываю.

— Много таксистов, — заметила Сергей.

— Друмы Саймонова. Да и жених там одно время работал. Саймонов его устроил. Кстати, его тоже можно выбирнуть, — подумала, сказав Леров. — И всех членов его мафии. Там нет дома четырнадцать. Я высчитаю.

Пожалуй. Прежде всего ющие жилины должны четвертнадцать, по любой улице, конечно. И среди них подпасычка газеты.

— Все ясно, Сергей Павлович. — Леров сдержан-

но улыбнулась. — Теперь будет порядок. Точно вам говорю.

Сергей хотел было предупредить, что размык этой линии вступает в послесланое, решающую фазу, когда требуется особое внимание и осторожность, ибо преследование смилья и неизвестным, опрометчивым шагом спугнуть преступника, и, взглянув на Лерова, передумал. Сергея видел, как Леров и так все понимает и все садится как надо. Он только крепче обычного пожал ему на прощание руку и коротко сказал:

Желаю успеха, Гончарук. Ты сейчас ближе всех к успеху.

А вечером примчалась Ибадов, ликующий, с блестящими глазами.

— Вот! Пожалуйста! — воскликнула она, сда устен прикрыть за собой дверь кабинета. — Нашла Борисова Николая! Честное слово, нашла!

— Постой, постой, — остановил ее сидевший тут же Валков. — Ты нашла Борисова? Того самого Борисова?

— Ну, конечно, пожалуйста! Нашла. Пожалуйста! Не того самого. А того, чей паспорт! А от у того самого. А тут самый. Тыфы!

От волнения Ибадов совершенно запуталась и растерялась умоля.

Сергей засмеялся.

Сдадись, Мурат. И успокойтесь. Как ни странно, мы у вас пока. Вы нашли владельца паспорта. Кто же он такой?

Ибадов устало поклонилась на стул и с благодарностью посмотрела на Сергея.

— Кто такой, — повторя он, вытирая скомканым платком пот со лба. — Замечательный человек, вот кто он такой. Работает на такси.

— Чего удалился Сергей? — И он тоже? Ну и почему? Это стало интересно. Когда же он потратил свой паспорт?

— Точно узнал, пожалуйста! — вытирая вперед руку Ибадов. — Все точно. За месяц до того, как Семенов в Борске получил первое письмо из Ташкента. Вот когда, пожалуйста. Я по душе прерила. И нашла записку Борисова в милиции. Он пишет, что паспорт потерян у себя в кармане.

— А я и противу протесту Сергей. — Удивительное дело. Все течет к таксометром парк.

— Ну что бы это значило?

Следующий день присоединил к себе открытки, которые заставили Кирпуну серьезно усомниться в добытых им сведениях по делу, причем усомниться в главном пункте: кто же такой Якубов — исполнитель или главарь? И когда эти сомнения возникли, все относилось к Якубову приобрело иную окраску, получило новое обличье.

В то утро первым в кабинет к Сергею зашел обозреватель.

— Такое дело, — понимающе, — сказал он, тяжко опускаться на стул и по привычке потирая лоб. — Денчикова та же в общем, уши ясна. Вот слушай.

Он вытирая очки, утвердил их на своем бурым носу, затем закрыл записанную книжку и, время от времени поглядывая в нее, продолжал:

— Зовут ее Диана Сокольская. Это та знавшая Амадея, которую я знал с давних времен. Мать с отчимом и младшей сестрой жили в Борске. Амадея, когда она была маленькой, любила играть в куклы. И сейчас увлекается — считает отставший от жизни мещанской и деспотичной. Насчет жизни это нам, между прочим, моя Нинка тоже говорит, что отстав.

Сергей покачал головой.

— Моя Витяка мне это тоже скоро скажет. Однако из дома не уйдет. Как и твоя Нина.

— Само собой, — вздохнул Валков. — Но и мы с тобой, Денчикова, жаждем ее думаем. Хотя отчим там вполне хороший человек. И матка тоже. Очень он переживает, что Диана ушла.

— Где она работает?

— В архитектурной мастерской. Чертежница. И отмы, по работе, представь, весь плюхоне.

— Представляю. Ну, а насчет этой ее любви что известно?

— Любви? Да вот хвасталась подружкам, что из нее одни смеси брови. Бобби. За них моя птичка приутирилась. Любят она голову парниш кружить. Еще намекала, что будто бы замуж соби-

рается. Но девчонки не знают за кого. По работе у нее ни с кем серьезных отношений нет.

— Так у меня другое впечатление от него сложилось. Ну, даада... — вспоминает Саша. — Смотри-ка и дола. Проводила на толоку кофточки. Скорей всего свою. Ну, дерзла, когда задержали. Выпускает ее надо.

— Это недовольство в принципе... — резко сказал Сергей. — Недовольство злоупотреблением. Поры. Пора бы уже понять, где ее дело? — В рабочем кабинете.

— Ах, Сергей приложил руками по столу. — Я слушаю. Предупреди, пожалуйста. Пусть приготовят дело. Допроси сам эту Дину.

— Даай, — сказала Бальков. поднимаясь. — Сейчас я им позвоню.

Но успел он выйти, как на столе у Сергея зазвонил телефон.

— Салом, Андрей Бальков. Сарыев говорит.

— Аах, замолчавшее!

Еще раз спасибо за раскрытие убийства. Очень вам нам помогли. Это — наше общее, большее дело. И школу, так сказать, оперативного мастерства наши товарищи прошли. Это тоже большое дело. У нас много младежки. Ее надо помнить, непрестанно, научимся, сердце. И это в том, что спаситель министр передает привет. Все занят. Громадная работа. Хоту спросить. Как идут дела по твоим группам?

— Кое-что есть. Группы вырисовываются.

— А главарь?

— И главарь тоже.

Сергей еще не посетил сомнения. Открытия и сомнения жили его впереди.

— Хорошо, в курс, — продолжал Сарыев.

К нам не заходит?

— Сейчас не могу. Давайте ближе к вечеру. На том они и договорились.

Сергей в общем-то симпатизировалось испытывало, любищим красиво потому что было первым для знакомства подметки в нем блескующую чистоту, искренне расположение к людям и болезненность. Поэтому раз проверить вместе с Сарыевым свои выводы, расчеты и догадки было полезно.

А пока что Сергей отправился в знакомый ему уж рабочий магазин.

Следователь, видевший дело Сокольской, окажался молодым, привлекательным, с некоторым юмористическим элементом, юмористом, юмористом, приятным, юмористом, юмористом. Родослов, с пушистыми бакенами и чуть выпуклыми голубыми глазами, лицо его выражало самоуважение и подчеркнуто значительность.

— Я смотрю глубже, товарищ полковник! — сказала ему Сергею. — Что кофточки Это, знаете, только повод. А я имею...

— Для чего?

— А просто, конечно.

— Так, так. Ну, а что вы имеете?

— Я имею веские основания полагать, что эта девчонка связана с крупным преступлением.

— С каким именно?

— Это я еще не установлю. Но установлю. Будьте уверены.

— Каких же у вас оснований полагать, что она связана с таким преступлением?

— Видите ли, в мои руки попало ее письмо. Там он прямо говорит об этом. Сейчас я вам его покажу.

— Не надо. Я его читал.

— Читали?

— Да. Это письмо попало к вам после ее ареста, кажется?

— На следующий день. И она там, если помните, надолго простояла со своим письмом?

— Значит, вы ее арестовали только за продажу кофточек? Но кофточки, по вашим словам, были только поводом. Что же было причиной ареста?

Сергей сознательно обострил разговор. Арест Сокольской был произведен явно неисовательно. Надо было заставить этого самоуважающего человека не только признать свою ошибку, но и справедливость наказания, которое за этим последовало.

— Ну, начальница ее арестовали за спекуляцию, конечно, скорее ответствия молодой следователь.

— Почему же спекуляция? Ведь она продавала свои собственные кофточки. Сколько их у нее было?

— Аве...

— Новые, только что купленные?

— Не совсем новые...

— Это вы называете спекуляцией?

— Но у нее не было разрешения. И она себя хамскиала.

— Допустим. Что же, кроме ареста, вы не зна-

ете других мер воздействия? Ведь у нее есть прошпажа, она работает и раньше никогда не привлекалась к ответственности.

— Но вы же видите, какие у нее связи! И она тоже понимает, что ее арестовали не за кофточки.

— Не понимает, а подозревает, опасается. И может быть, опасается напрасно. Ведь у нее пока ничего не знает. И что значит «тоже»? Вы то ее арестовали за кофточки.

— Я вас понимаю, — сказал Сергей, — что за этим стоит кое-что поэзия.

— Ах, вот как. Значит, истинная причина ареста — ваши предчувствия?

— Ну, знаете, товарищ полковник. Так можно смазать любое дело.

— Так можно дойти до серьезных нарушений законности. Сколько дней прошло с момента ареста?

— Шесть дней.

— Ну и что вы добыли за это время, какие улики?

— Пока, в общем... Ничего нового...

— Скажите, — медленно произнес Сергей, — на вас лично не произвело впечатления это письмо? Просто там «человеческий»?

— Просто здесь «по-человечески» — искренно усмехнулся следователь. Это же серьезный уличающий документ.

— Мда... — Сергей потер подбородок и неожиданно спросил: — Вы читали Кони?

— Анатолий Федоровича? Еще бы! Выдающийся судебный деятель.

— Так вот, еще Кони писал, чтоainen... и письмо молодого человека — «очень опасное, в смысле осложнения правды, доказательством». Вы допранили Сокольскую по поводу этого письма?

— Конечно.

— Что она говорит?

— Она, видите ли, оскорблена и вообще не желает говорить.

— Понятно. Ну, так вот, — закончил этот тягостный разговор Сергей, — дело несложно привлечь. Получите взаимодействие с местной прокуратурой. С прокуратурой я поговорю сам. А на будущее, — добавил он, — придется порадовать самого человека, который, право, судьбой, человек со склонностью к злому, позади, любовью. И первым ваша мысль должна быть: «А если он не виноват?» И потом уже попробуйте ее приворовать фактами, уликами, а не опицентами. Вот когда вам это удастся, вот когда возбудите дело против него. Только так. Вам ясно?

— Ясно, товарищ полковник, — хмуро ответил молодой следователь.

— А теперь вызовите Сокольскую. Я сам ее допрошу. Бездол. Слушаюсь.

Оставившись один, Сергей задумчиво. Долгорукий следователь теперь значительные осложнения. Следователь испортил здесь все, что было возможно. Но как теперь заговорить с ним о письме? Сергей решил поговорить с Диной. Проверил всех ее знакомых конторы. Были письма. Сергей еще раз пробежал ее. И, как ни странно, именно это письмо, вернее, сам тот его подсказал Сергею единственно, пожалуй, возможное направление предстоящего разговора.

Черт возьми, девчонка, видимо, не имела перед глазами. Она по-настоящему любила этого человека. Мало того, она продолжает его любить, несмотря на то что. А как же Гусев? Что произошло между ними? И эта ее реминисценция, ее отдаление и дальнейшее возвращение к чистоте. И вспомнило отместа. А потом это произошло, эти поиски. Да, паско ей сейчас трудно. Вот она и мечтает и не знает, за что решиться.

Сергей курнул, задумчиво глядя в окно.

За стеклом, касаясь его бесцветными глянцево-зелеными лепестками, прятывалась ветка какого-то незнакомого дерева. Самое дерево видно не было. Только что тоякая, дрожащая на ветру ветка. Она казалась совсем слабой и удивительно упрямой.

В дверь постучали.

Молодежныйrieg внес невысокую, светловолосую девушку в синий кофточке и серой короткой юбке. Красивое лицо ее выглядело замутно и враждебно, глаза, чуть покрасневшие, бледные, видимо, привыкли к помаде, губы были пастю сжаты.

— Садитесь, пожалуйста, — сдержанно сказала Сергея и, обращаясь к милиционеру, добавила: — Вы свободны.

Тогда милиционер, козырнув, вышел. Саша опускалась на стул возле стола. Синяя очки прямо, в напряженной поэзии, сложив на коленях руки, и выжидающе смотрела на Сергея.

— Давайте познакомимся, Дина, — сказал Сергей. — Моя фамилия Коршунов, я...

— У меня тоже есть фамилия, товарищ Коршунов, — резко отчеканила девчушка.

— Извините. Просто вы мне годитесь в дочери, поэтому я называю вас по имени.

— И еще в любовницы, — усмехнулась Дина — Так ты же любишь.

Сергей удивленно посмотрел на девушки.

— Вы выбрали неверный тон для разговора, — сказала он. — А нам все-таки придется познакомиться и поговорить.

Дина сердито сунула глаза.

— Сперва верните мое письмо. Иначе я...

— Пожалуйста.

Сергей достал из папки конверт и протянул ей. Дина не стала его рвать с его стороны, ткнула пальцем в почтовую ячейку и вытащила из конверта. Нет, она не поверила в его порядочность или доброе отношение. Она решила, что тут кроется какая-то уловка, желание задобрить ее, обмануть и насмешить спросила:

— Вы уже знаете его наименование, конечно?

Сергей покачал головой.

— Видите ли, что я хочу вам сказать и о чем спрашиваю вас, и имеет отношение к этому времени. Но я бы все это сделал и не прогнал его.

— Ну что ж... — небрежно отвела глаза Дина, — теперь можете говорить что угодно и спрашивать тоже.

Она сделала движение, чтобы разорвать письмо.

— Напрасно, — сказала она. — С Сергеем. — Вы же хотели сказать, что я... — Я же... — Я же хотела сказать.

— Да! Интересно, каким образом?

От враждебного тона она перешла к ironическому.

Сергей улыбнулся.

— По дороге домой. Это — самое удобное.

— ...Что, у вас говорите?

Девушка была так измущена и растеряна, что даже не смогла обрадоваться, не смогла собраться, не могла произнозло.

— Я вам сейчас все объясню, Дина. То есть, простите.

— Ах, все равно! — нетерпеливо прервала она. — Дина так Дина.

— Ну, так вот. Вас арестовали неправильно. Выражали юридический язык, в ваших действиях не присутствовали спекуляции. И следователь получит за это премию.

— Но он сказал, что это письмо...

— Письмо не улик, — покачал головой Сергей. — Из него я только понял, что вы хотите жить честно, не бояться и не прятаться, как раньше. Ну, и еще, что, по вашему мнению, вы должны быть за что-то наказаны. За что, я пока не знаю. И должны ли, это еще вопрос. Ну, а что касается ваших отношений с тем человеком...

— Это — мое дело! — запальчиво воскликнула девушка.

— Вот именно.

— Знаете, — она пристально посмотрела на Сергея, — я не ждала от милиции такой скромности и таковой... самокритики.

— Ошибки надо признавать, — сказал Сергей. — Исправлять их и стараться больше не повторять. Больше ничего не надо. Но если она заворотит, то неизменно подумает о человеке. А она это любит. Любить то, чем дело.

— Согласна. Дина, — неожиданно спросила она.

Зачем вы промолвили эти кофточки?

— Чего? — девушки оторвалась взгляд от окна и посмотрела на Сергея. — Что вы сказали?

Сергей повторил.

— Мне нужны были деньги. — Она покачала головой.

— Мне кажется, вы впервые продавали свои вещи, да?

— Да. Ну и что?

— Значит, раньше вы не нудились в деньгах?

— Тогда я раньше... — она запнулась.

— Вы не хотите больше тех денег?

— Допустим...

— Или просто у вас больше их нет?

— Вы намекаете на мою письмо? — Она покраснела.

— Да.

— Ну так знайте: они мне не нужны. Понимаете?

— Они мне отвратительны! И я... И он меня не

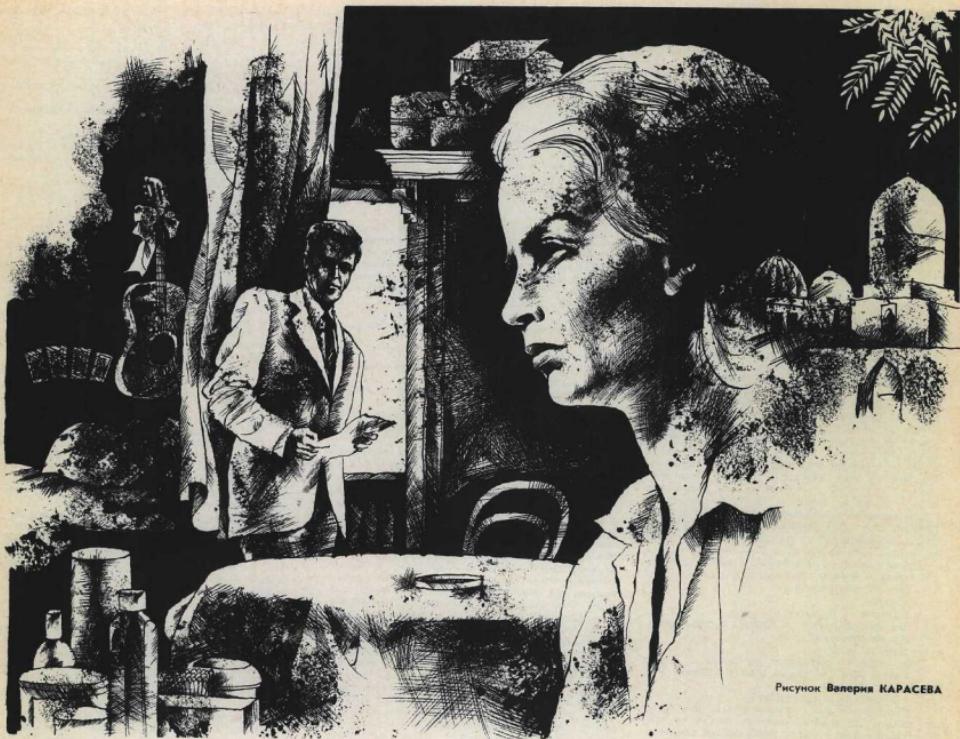


Рисунок Валерия КАРАСЕВА

бросил. Его заставили. Вот и все. И больше я вам ничего не скажу.

— Зато я вам могу сказать, когда и почему это слушалось.

— Вот как? — Она приподняла одну бровь.— Интересно.

— Ну конечно, и сами знаете, — продолжал Сергей, — но я все-таки скажу. И скажу, почему я это знаю.

При поседении его словах в глазах девушки мелькнула испуг.

— Почему же? — еле слышно прошептала она.

— Ох больше не припомя в вам после одного собеседника. Этим собеседником, Дина было убийство Тома Гусева.

Она так побледнела, что лицо ее стало как будто мраморным и под кожей проступали синие жилки.

— Нет! — с отчаянием воскликнула она, подняв тонкую руку и словно защищаясь ею от кого-то. — Ети! От тут ни при чем!

— Возможно. Но почему убили Толя, вы догадываетесь?

— Откуда я могу знать...

— Ну что ж. Тогда я вам скажу. — Сергей сдвинул брови, потом медленно добавил: — Это убийство должно обласкнуть ревности.

Что-то в голосе Толя удалилось Дина. — Он знал, что я люблю только его. Он просто нас познакомил. Ведь они были друзьями. А Толя...

— Влюбились?

— Да...

Она произнесла это так тихо, что Сергей скорее догадался, чем услышал.

«Были друзьями»... Но у Гусева была только один друг, который мог это сделать. — Карим! И какой-то Карим связан с Рожковым, убийцей Гусева.

Так неужели... Да, да, это не совпадение, это один и тот же человек! Конечно, одни и тот же!

Открытие пришло внезапно, как вспышка открытие, как озарение. Бурное прокопчило искра, и различные элементы вдруг соединились в цепь. И она куда-то ведет, есть цель.

— Ты что, дура? — спросил Сергей. — Это повод для союза. И они поссорились...

— Но ведь Толя ушел от семьи. Значит, у него появилась надежда?

Закусив губу, Дина напряженно смотрела в окно.

— Вы подарили ему свою карточку, — продолжал Сергей, — «Надобную память». Об этом тоже знал Карим.

Она покривлялась так стремительно, словно ощущала ожог.

— Знал! Он все знал! Я ничего от него не скрывала.

— Но тогда...

— Что стояло? Чего? — Она вся подалась вперед и тихонько спросила на Сергея с отчаянной решимостью. — Я же вам сказала, что он никонов! Он... он никого не убивал!

— Я знаю. Толя убил другой человек!

— Вот видите!

— Это не все, — покачав головой Сергей. — Я вам сказал, что убийство можно обласкнуть ревностью. Но его можно обласкнуть и по-другому. Гусев тоже не хотел больше брать те деньги, как и вы.

— Ну, да! Он не хотел! Будь они прокляты! — с внезапно испыхнувшей ненавистью воскликнула Дина. — И... Карим тоже не хотел!

Она впервые произнесла это имя, произнесла неуверенно, через силу.

— Нет, — резко возразил Сергей. — Карим брал

и берет. Он и вас втянул в это дело и Толя тоже. Он...

— Если на то пошло, то его тоже втянули! — спокойно перебила его девушка. — Втянули, втянули, я знаю!

— Погодите. — Сергей поднял руку. — Давайте говорить начистоту, согласны?

— Согласны.

Он знал, девушка сейчас готова была на все, чтобы защитить своего возлюбленного, чтобы отвести от него подозрение.

— Так слушайте.

Сергей закурил.

— Можно? — спросила Дина, потянувшись к сигаретам.

— Да, конечно.

В ее тонких пальцах сигарета выглядела как-то неуместно, хотя курила Дина привычно и жадно.

— Так вот, — повторил Сергей. — Дело это серьезное и опасное. Опаснее, чем вы думаете. Тот человек...

— Это я втянул Карима!

— Возможно.

И все время поскольку Карима к другому родственнику. Куда-то далеко, на машине. Карим мимо сам говорил.

Она теперь произносила это имя свободно, не задумываясь. Этот барьер уже рухнул между ней и Сергеем.

— И Толя он посыпал?

— Да. И Толя... Один раз.

«Из-за чего ему нужны были шофера» — подумал Сергей. — И вот почему убили Гусева: он знал дорогу.

— Знаете, Дина, — сказал он. — Мне надо увидеть Карима. Может быть, вы и правы. И его

затянута в преступление тот человек. Как его зовут, скстати?

— Егор.

Сона выругалась:

— Мы услышались говорить назистуто,— напомнила Сергей.— Гла́вард должен отвечать как гла́вард. За него не должны отвечать другие.

Дина, спасибо, подумала Соня. Снегарка чуть дышла, но все же засмеялась.

— Он отравляет людей, он прорастит им наркотик. Голос Сергея сорвался от злости, он кашлянул.— Убийца убивает одного человека. Этот медленно убивает многих. И еще многимкашает жизнь, по другому, денными, от которых мы откладываем.

— Я его ненавижу... —чуть не плача, произнесла Дина.— Я его прогоню! Он всех... всех покроет! Вы понимаете?

— Понимаю.

— И все это боятся. И я...

— Как же его зовут?

— Его... Юсуф!

Если бы Дина называла кого угодно, даже самого постороннего, самим словом было бы, далеко от этого, звучанием. Сергей не был бы, вероятно, так ошеломлен, как сейчас.

Юсуф! Но ведь он... Неужели этот человек

сумел так притвориться? Кто же тот, другой, который звонил в Борск? И почему... Но Дина сейчас обманывает, не хитрит. Она сейчас не способна хитрить, она говорит правду! Знает, Юсуф... Вот это номер! А где же Гусев? Сын захартился в Борск, он привез его откуда-то в Ташкент. И он, если останется на свободе, может скрыться. Европром, он уже, наверное, скрылся. Ведь арестован Юсуп арестован Рожков, было арестовано Дина — он же не знает, за что ее арестуют! Убийца! Кто же виноват? Кто же обо всем этом, кроме Юсуфа?

Дина склонила голову, ее волосы вились, как волны. Да склоняется сквозь свет уже скрылась. Вопрос только куда. Да куда.

Этого, наверное, и Дина не знает. Сергей посмотрел на девушку. Они перехватывали ее взгляд и первым спросили, где снегарка:

— Что же теперь будет?  
— С кем?  
— Со мной... с Каримом?

— Да нет, Сергея. А Карим... сожалению, это уже, наверное, нет дома.

— Как так, нет?

Она испуганно посмотрела на Сергея.

— Боясь, что он сделал самое худшее, что только мог: скрылся?

— Но почему... самое худшее?

— Потому что Юсуф позади все равно его находит. Но этим он показал, что он не честный и ни в чем не может расхваливаться, покажет, как он опасен.

— Он не скрылся... резко сказала Дина.— И он вовсе не опасный. Он глупый. Хотите... Он обязательно на часы, висевшие над дверью... Он сейчас на работе. Можно познайтесь?

— Мы пришли только верить глазам, — ответила Сергей.— Если хотите, можно подъехать туда вместе.

Хочу... с вы占领ом отвела она.

Сергей взглянула на девушку.

— Я не хочу вас обманывать. Дина. Мы вынуждены будем его задерживать.

— Я понимаю. Меня тоже задерживали.

— Но тут уже не будет ошибки. Он действительно плох.

Все равно. Ему так нельзя больше жить... —тихо сказала девушка и, помедлив, добавила: — Я вам верю.

Почему-то эти последние слова звучали болезненно Сергея. Почему? Ведь он же не обманывал ее. Просто очень трудно, неизвестно горально решать чужую участок, особенно когда тебе предают.

...В андеграундной больной ташкентской автобазы мы соединялись, что Карим Сифаров сегодня работу не выполнил. Дома он тоже не оказалась.

— Ну что же он наелась... — глупая слезы, сказала Дина.— Что он наелась, глупый?

— Мы его наедим, — ответил Сергей.— И он еще сможет кое-что поправить, если захочет.

Он отвел девушку домой.

В конце концов Сергей приехал в министерство, к Кариму.

Шо ж, кажется, все как надо. Отрасль не вышла, по сущности, обесцвеченна. Арестован гла́вард Легбов. Раз он пытался кинуть Караму к другому своему родственнику, в кишлак, а Рожкова в Борск, сначала с тем же Каримом, потом с Трофимовым, то цепочку смыкается. В ней нет места другому гла́варду, это ясно. «Родственница» цепочки добывания наркотика самая надежная и самая

очевидная. Годственники не допустят «чужака» к этой цепочке, они его используют по другому, по сбыту, например, как Рожкова или Трофимова. Кто-то из них может «подставить» его в первом лицах с заглавием, именем Борисова. Но до «святых святых» до истощения получения наркотика, она не допустит постороннего. И цепочка тути четкая: Якубов — Карим — родственник в кишлаке. Итак, гла́вард арестован и Рожков тоже. Истек Карами, в общем-то второстепенный член шайки, и установившая пока мнимый Борисов. Но Сифаров собирается вернуться к кишлакам... Кто? Где этот прошактый кишлак? Якубов, конечно, ничего не скажет... Рожков ничего об этом не знает... Карами скрьется... Гусев уйдет.

Продолжал вестибюль. Сергей уже начал было пытаться по лестнице, как вдруг остановился. На холмушке его лице неожиданно появилось выражение пытающейся сосредоточенности, словно он не могла понять, какую-то непонятную ему вещь.

Постоев секунду вперешатись, Сергей повернулся, торопливо, почти бегом пересек в обратном направлении вестибюль и выбежал на улицу.

Машину его еще не успела отъехать. Сергей, запахиваясь, уследил за шумом и называл адрес.

— Жми... как можешь... — нетерпеливо добавил он.

В машине Сертей немого успокоился. Всегда легче, когда применяешь какое-то решение и начинаш действовать.

Сергей закурил и принес заново обумытые сложившиеся положение, куда спокойнее, чем даже десант минут назад.

общем-то все понятно. Так убедительно, логично выстроена им версия о Якубове провале... Якубов, исполнитель, а главный, неизвестный, разумеется, тоном поговорил с Сергеем. Сертей оказался лицемером. Навязав свою логику присягнувшему другому, наилучшим образом ставить себя на место другого, Якубов действовал по иней, собственной логике. Да и в самом деле, кому, например, он мог поручить вербовку Трофимова? Рожкову? Этот бандит может убить, но не завербовать. Кариму? Тот мог и не спрятаться в этикете. Только человек, который не знал, что может быть, подумал Сертей, вдруг Якубов уходит от него только на второстепенную логику, и не подпускает к главному — к своей логике. Поруча, например, позовину в Борск и увидеть, на место ли Семенов. Поручил бы на свадьбе и датть знать, когда оттуда уйдет Сертей. Наконец, продиктовал тому текст всеподжизненного. Это очень ловко, тем более что в этот момент он человеком, дающим от галлюцинаций на кол- того, не слышал своего собеседника.

А главное дело — это цепочка, по которой видят этот проклятый гашин. Цепочка начинается где-то далеко, в неведомом кишлаке, где кто-то гайдом сквозь запрещенныйпорт кортонаполис, из которого поток и добывает гашин. Этот «кто-то» — родственник Якубова. А другой родственник, Сертей, привозит его в Ташкент. Остальное все будет уже другое. Дальше Якубов сама заменяет Карима. А дальше — другим человеком и наездом Трофимова. Нельзя подвергать Карима двойному риску, и никому больше нельзя доверять поездку в кишлак, это самая секретная часть цепочки. Вот один раз доверил Гусеву, и принеслось hätte от убийства. И больше Якубов никого не подпускает к этой части цепочки. Здесь действовала только его родственники. Что ж, с одной стороны, это осложняет дело, но с другой...

Прямо впереди, в окрестах Ташкента, осталась измазанная машина полузнакомого дома.

Сергей стремительно поднялся на третий этаж и позвонил. За дверью послышались легкие шаги. Сергей с облегчением вздохнул: Дина была дома, она никогда не успела уйти.

В маленькой, душной комната на стене висела запыленная гитара с красным бантальным ремнем, под ней веером расположились пожелтевшие фотографии кинодраматических фильмов. Одна из фотографий и первая из множества фланкетов, стояла на столе, блески и шелковые листочки. Еще здесь были: леггинсы тайктах на стене, под гитарой, напротив узких, потрескавшихся пляттын шифах, на нем какое-то старые коробки и круглый стол посередине, покрытый аянкой клешней.

Какой-то горький, тоскливой заброшенностью веяло от всего здешья.

— Сидите... — здружно, сказала Дина, подняв стул и как будто даже не удивившись его неожиданному привезу.

Она была в той же спине кофточки и серой короткой юбке, только поверх был повязан ста- ренькой фрукт, и в руке она держала трапезу. «Убийца» сидел подальше Сертей.

— Я вам... Дина, вот зачем... — сказала она опускавшись на стул. — Во-первых, дайте мне телефон и фамилию вашего начальника. Я сам ему позвоню, чтобы это было лицом разговоров.

— Чутьность привлекает! — с горечью усмехнулась она.

— Исправляю все ту же ошибку, — возразил Сертей.

Дина назвала ему телефон и фамилию.

— Теперь, второе... — продолжал Сертей. — Вы не знаете, где живет тот родственник, к которому ездил Карим?

— Нет. — Девушка покачала головой. — Но знаю... — «Вот поэтому тебя не тронули»... — подумал Сертей.

— Всемогущий... — сказала он. — Ведь Карим хоть что-нибудь рассказывал, вам о своих поездках.

Кое-что, конечно, рассказывала... — неуверенно произнесла Дина. — Что тот живет в кишлаке... Дом его стоит возле маленькой деревни... просто лужа, а не природы, то есть — не речки... — Это когда Карим был, там последний раз... Ну, что же это такое, извините за беспокойство, потому что у меня есть еще одно... Да еще... — «И у него что-нибудь есть», который приехал в Самарканда. Он так выглядел... Сказала: «Была долгина по последней сорок километров». Там еще очень похожа дорога, ее всю изрыли... Еще... — «Она приложила ладони к вискам... — Больше ничего не помню».

— А имени этого человека она не называла?

— Нет... Хотел... нет, не помню.

— Молодой он, старый?

— Нет... кажется же говорила... — Она посмотрела на Сертей.

— Маловато, — ответил Сергей. — Но и на том спасибо.

Сия проводила его до двери.

Спускался по лестнице. Сертей подумал: «Всегда кое-что есть. Надо попробовать».

На коротком коридоре стоял еще один дворецкий, но это было уже что-то совсем иное. Князь-конюх, венчавшийся на зебре. Земля на целинных полях суетливо изменилась в темноту земли, тем ярче разгоралось багровым, закатным заревом небо вокруг.

Гуд моторов наполнил короткий и зыбкий самолетный салон. Под самым иллюминатором серебристое, с эмалью, первое зеркало. Сертей, на котором лежало, блестяло ленты канапов. И члены большого погорелы в темноту земли, тем ярче разгоралась багровым, закатным заревом небо вокруг.

Гуд моторов наполнил короткий и зыбкий самолетный салон. Под самым иллюминатором серебристое, с эмалью, первое зеркало. Сертей, на котором лежало, блестяло ленты канапов. И члены большого погорелы в темноту земли, тем ярче разгоралась багровым, закатным заревом небо вокруг.

Сертей села на высокую спинку красного кресла, сидел за световыми табло над дверью пластиграты, и как только погасла там предупреждающая идиотка, достал сигарету.

Рядом, полузакрытые глаза, сидела усталый Ибадов.

— Когда приведут... а, Мурат! — наклоняясь к нему, громко спросил Сертей.

— Через час должны. Ну, чтобы больше, если встречна.

Сертей наивно засмеялся в кинолавионе. Вней изменилась, стала зелено-желтой. Там заскрипели беспорядочно поселков. Докрутился на высокую спинку красного кресла, и как только погасла там предупреждающая идиотка, достал сигарету.

Когда он открыл глаза, на табло снова горела предупреждающая идиотка. Самолет шел на посадку. Но пока, чуть спустившись, тень взмыла к двери.

Наконец самолет, слегка стукнувшись колесами, посадил на землю на неровностях. Воды по самой полосы землякала цепочка красных фариков. Самолет скошнулся с нее и стал медленно подувывать к небольшому зданию аэроузбека.

Вместе с другими пассажирами Сертей и Ибадов спустились по шаткому трапу. На земле было жарко и душно.

Около широкого прохода в лианной металлической ограде, скрывавшей грязь встречищах. Ибадов уехал на высокото, чтобы стугнуто чегове в белой рубашке:

— Все товарищи, Веретенников, покажуйста.

Архивные тайктахы.

Уже в машине Веретенников сказал:

— Кое-что удалось нашуцать, Сергей Павлович!

— Да ну! — устало обрадовался Сергей.

— Что именно?

Окончание следует.

огда шум неизвестного удаётся, на кафедру влезшего человека, за него оставленный при университете, и выпил стакан воды.

— Уважаемые, — перешептываясь, сказал он, — я нашел одно интересное изображение.

— Я находит, — говорил кома, — вставших столов Пушкина, обладали один из присутствующих пушкинианами: — Могли бы прозой заняться, а вы к стихам лозят.

— Каждый сам по себе современник, — хмуро ответил смотритель, — что наша, то и наша.

И, продержав недолгую паузу, он прошёл:

У меня была собака,  
Ли же любил.  
Она съела кусок мяса,  
Я ее убил.

Поставлены на голосование, — мурлыкообразно предложила представитель собрания, — тогда все и выпишутся.

— Что за голосование?

— Собаку.

— Почему же собаку?

— Ну, мясо...

Такой же профессор был очень учёный профессор и знал наизусть юмористические стихи Гончарова, которых тот не писал, из уважения к нему проголосовал.

Учащаяся молодежь бурно запротестовала:

— Долой собаку, не надо собаку...

Прошло уже время, когда...

Стали брать слово представители различных литературных течений.

— Кто кормит свою собаку мясом? — грустно спросил представитель гражданской поэзии.

— И яормлю, — разгоряченно отозвалась человек, оставленный при университете, — так и подлинники сказали:

У меня была собака, и ее любил.

— Собака трудащегося и собака статского советника есть разные собаки. И если одна принадлежит к податочно-московской, то другая аристократической крови...

— Я поступил с ней сурово. В подлиннике сказано:

Она съела мяса — я ее убия.

## КАДРИЛЬ СЛОНОВ



— Довольно крови. Вы не имеете права убивать животных, ни передав дело на рассмотрение суда чести.

Это замялся автора.

— В наше время скромное потребительское общество лучше авторского языка. Там говорит колесо истории. Я закончу.

Мурлыкий критик возражал по существу:

— Прежде всего собака не могла съесть мяса. Я сам видел, как на бойне закололи последнюю буженину и продают на ярмарке чайную чайную ли не по акции.

— Ах, — произнесла восемнадцатого века.

Почему же вы до сих пор молчали? Двесот лет назад поехал его в кармане, а теперь, когда литература сделалась бульварной, открылись...

— Мне только тридцать два года.

— А мы семидесят четыре, — глубоко обиделся председатель.

— Ставлю на голосование.

— Котофей.

— Собаку, — упрямое ответило председатель.

Ставили.

— Ну восемнадцатый век.

Почтили восемнадцатый век вставанием.

Представителям новых славянских течений в позиции шумно поддерживали аплодисментами.

Громко звучало чирковое слово: — весело сказала одна из них, подожди к кафе! — приветствуя полевой языки родины. Была собака — убийца собаки. Городское слово. Довольно тянуться за Западом. Еще бы смеец надо:

Ах, ты гой еси, собака.  
Я тебя убий!

— Это верно, — согласился докладчик.

— Еще бы, — усмехнулся чирковый, — я тебе сходя с кафедры добивался чиркования твоим. Волчья матка широка, размахши моя рука. Мне доказали никчем: можно в ухо кричим.

В конце прений попросил слова какой-то сухонький человечек, от которого так пахло ежемесячными журналами, что даже этого него быстро менялись местами с сознательными студентами.

— Ничего не имею добавить, — быстро заговорил он, — ничего, напавшего не имею. Украядено стихотвореньице?

У Пушкина прямо:

Зима, крестьянин торжествует.  
Плещется рябой, чутъ почва.

— У меня же ни крестьянина нет и не плещется никто горяко посмотри на председателя докладчик.

— Даите ли по нашему времени зи пособий замянить, а рысь — мисом? Помочь себе удовлетворенным, братья сошли с кафедры.

— Голосуйте.

Выразили порицание австрийской литературы.

На другой день газеты поместили подобные отчеты о докладе и прериях.

«Восходящий светильник» приводил Крымский сделал неизданый доклад о новом стихотворении, присыпавшим ему автором. Поменяли неизданым строку (опуская подробности):

Зима, крестьянин вел собаку,  
И миса не да звоних он.  
Бобо он, — и люби и убия.

Были шумные призы: голосовали на премию выяснилось: обозревательной группе писателей: «абистов» от татарского слова «хыэр», что значит: «спасибо, я уби». Новая группа скоро устраивала вечер искусств, с премиями. Снимать верхнее платье не обязательно.

1916 г.



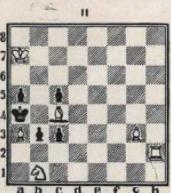
### ПЯТЫЙ ТУР

Вниманию читателей! на шахматной олимпиаде в Баку прошел пятый, заключительный тур шахматной олимпиады «Смены». Приведены замечания и оценки, опубликованные в «Смене» № 5, 6, 7, 8, 9, 10.

За правильность и достоверность поясняющие решения каждого поединка отвечает автор, как и во всех предыдущих разделах, можно получить дополнительную оценку в 5 баллов.

Не забудьте же, конвертах приводимых замечаний, ставить пометки: «на шахматной олимпиаде «Смены»».

Срок приема писем на пятый тур — 15 октября с. г. (по почтовому штемпелю стравления от

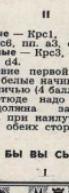


В первом комплексном нужен наискось прямой путь и мат в 3 хода, во втором же белые начинают и дают мат в три хода (2 хода).

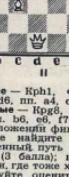
### ЭТОД — ВСЕГДА КРАСИВО



Белые — Кор. Ф4, Лб1, Сб6, Кс1, Рс4. Чёрные — Кр1, Лб2, Вб3.



КАК ВЫ БЫ СЫГРАЛИ?



Белые — Кор. Ф4, Лб1, Сб6, Кс1, Рс4. Чёрные — Кр1, Лб2, Вб3.

### «ЖЕЛЕЗНАЯ КЛЕТКА»

Необычайно шуточную композицию составил видный русский композитор XIX века Константин Янин. Это так называемая сконченная задача. Она предполагает собою попытку открытия королевской клетки на шахматной доске и имеет интересный факт: в 1888 году сражение между великим московским полковником Тимирязевым и сильнейшим венгерским гроссмейстером Вандзиным было настолько яростным, что Тимирязев, несмотря на попытку открытия королевской клетки, не сумел пронести вперед «Железную» в первом круге группировки (в те давние времена сильнейшей фигуруй считалась ладья или «рока»).



Белые начинают и дают мат в 10 ходов.

Вот как решается эта любопытная задача на весь

эффективный финал: 1. Cf3 + gf2, 2. ed + cd, 3. Cf5 + ef, 4. Ld4 + f1 ed, 5. b8C + Cd5, 6. Jb8 + fe, 7. C1d5 + fd8, 8. Fe8 + fe, 9. Fd8 + fd5, 10. Kef5 + Kxh5.

Этот интересный эпизод заинтересовал шахматистов.

«Железная клетка Тимерзярова» — так образно назвал свою задачу Н. Янин.



Приводим краткое решение позиций четвертого тура, в которых были получены самые высокие оценки: задачи: № 1. Феб1 Кс6, № 2. Феб8 — Кг7 3. Фе11 С: d5 4. Фе5 + fd8, 5. Cd5 + fd8, 6. Фе8 + fd5, 7. Kc5 Кр7? 4. Kр2 Лб5 5. Кр1 Бб5 + fd8, 6. Лб4 + fd8, 7. Кр2 + fd8, 8. Кр1 + fd8, 9. Лб5 + fd8, 10. Кр2 + fd8; № 3. Феб8 + fd8, 2. Феб1 С: d5 3. Феб5 + fd8, 4. Cd5 + fd8, 5. Феб8 + fd8, 6. Cd5 + fd8, 7. Феб1 + fd8, 8. Cd5 + fd8, 9. Феб8 + fd8, 10. Cd5 + fd8; № 4. Кр7 + fd8, 2. Кр2 Лб5 3. Кр1 Бб5 + fd8, 4. Лб4 + fd8, 5. Кр2 + fd8, 6. Лб5 + fd8, 7. Кр2 + fd8, 8. Лб5 + fd8, 9. Кр2 + fd8, 10. Лб5 + fd8; № 5. С: d5 + fd8, 2. С: c5 + fd8, 3. С: b5 + fd8, 4. С: a5 + fd8, 5. С: g5 + fd8, 6. С: f5 + fd8, 7. С: e5 + fd8, 8. С: d5 + fd8, 9. С: c5 + fd8, 10. С: b5 + fd8; № 6. С: d5 + fd8, 2. С: c5 + fd8, 3. С: b5 + fd8, 4. С: a5 + fd8, 5. С: g5 + fd8, 6. С: f5 + fd8, 7. С: e5 + fd8, 8. С: d5 + fd8, 9. С: c5 + fd8, 10. С: b5 + fd8; № 7. С: d5 + fd8, 2. С: c5 + fd8, 3. С: b5 + fd8, 4. С: a5 + fd8, 5. С: g5 + fd8, 6. С: f5 + fd8, 7. С: e5 + fd8, 8. С: d5 + fd8, 9. С: c5 + fd8, 10. С: b5 + fd8; № 8. С: d5 + fd8, 2. С: c5 + fd8, 3. С: b5 + fd8, 4. С: a5 + fd8, 5. С: g5 + fd8, 6. С: f5 + fd8, 7. С: e5 + fd8, 8. С: d5 + fd8, 9. С: c5 + fd8, 10. С: b5 + fd8; № 9. С: d5 + fd8, 2. С: c5 + fd8, 3. С: b5 + fd8, 4. С: a5 + fd8, 5. С: g5 + fd8, 6. С: f5 + fd8, 7. С: e5 + fd8, 8. С: d5 + fd8, 9. С: c5 + fd8, 10. С: b5 + fd8; № 10. С: d5 + fd8, 2. С: c5 + fd8, 3. С: b5 + fd8, 4. С: a5 + fd8, 5. С: g5 + fd8, 6. С: f5 + fd8, 7. С: e5 + fd8, 8. С: d5 + fd8, 9. С: c5 + fd8, 10. С: b5 + fd8.



Рисунок Игоря ВОРОБЬЕВА

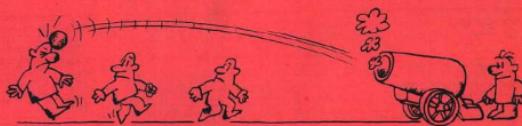


Рисунок Вахтанга КУЦИЯ



Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

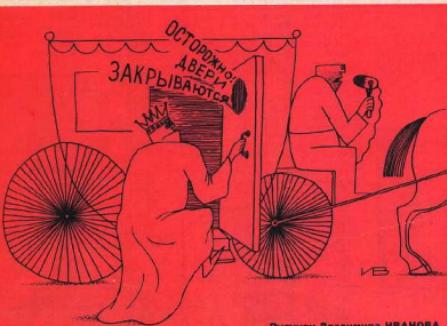


Рисунок Владимира ИВАНОВА

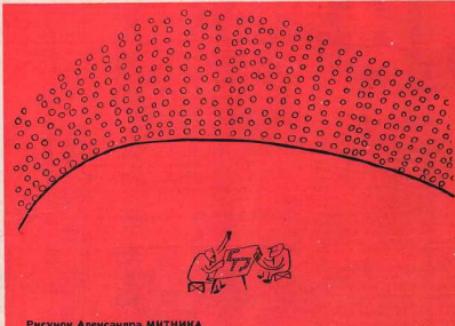


Рисунок Александра МИТИНИКА

**НАШ АДРЕС:** Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.  
**ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК:** 253-30-87

Сдано в набор 9/VII 1971 г. А 00861. Подписано и печати 30/VII 1971 г. Формат бумаги 70 × 108½.  
Усл. печ. л. 5,80. Уч.-изд. № 11,53. Тираж 1 000 000 экз. № 1614. Заказ № 1805.  
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина,  
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды». 24.

# КРОССВОРД

Составил К. КОРНЕЕВ, г. Москва



## По горизонтали:

7. Барышня кирбайль. 10. Оберненное изображение геометрического состава в вязе. 11. Литературный жанр. 12. Декоративно-прикладное искусство из орхидей. 13. Выборгский представитель. 14. Химический элемент. 15. Герб Брянской области. 16. Делегаты, насоса. 17. Гонщики. 18. Городок. 19. Аренда. 20. Старт. 21. Дипломат. 22. Советский штампщик, членом ми-

23. Виноградоцветник. 24. Органическое вещество. 25. Вид изобразительного искусства. 26. Советское спортивное общество. 34. Смена той или иной культуры. 35. Герой рассказа М. Шолохова «Судьба человека». 36. Птица. 37. Танец. 38. Страна. 39. Европа. 40. Рыболовная счастливая насть. 41. Соцветие.

## По вертикали:

1. Литературный кружок, был участником которого был Д. А. Григорьев, С. Сорин, народный артист СССР. 2. Птицы семейства фазановых. 3. Актер, писатель, певец, автор пьесы «Любовь и Чемодан». 4. Сольный номер в опере. 5. Диократическая луна. 6. Родина писателя Чехова. 8. Сольный номер в опере. 9. Примыкающий друг к другу остров. 10. Племя племени А. Н. Островского «Татары и поклонники». 17. Город в Испании. 18. Промышленный угольеводород. 20. Высо-

коэмульсионное органическое вещество. 21. Балет А. Адана. 22. Страна, где родилась оперы Р. Леониниава «Панни». 25. Надстрочный знак. 26. Страна, где издается ежегодный выпуск монеты. 28. Центр нефтедобывающего месторождения в Сибири. 29. Страна, где издается ежегодный выпуск монеты. 30. Коренное население союзной советской республики. 31. Зоризонтальное созведение. 32. Птица, птица-предвестница. 34. В. Гоголя «Мертвые души». 33. Цветок.

## ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

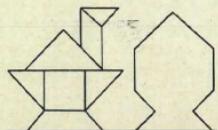
### По горизонтали:

- Копилитель. 8. Станица. 10. Бетономешалка. 12. Бриллиант. 13. Арабеска. 14. «Вечеринка». 16. Дворянка. 17. Ангарск. 18. Аготт. 20. Министр. 21. Соловецкий. 22. Променгер. 23. «Пигмалион». 30. Тенденция. 33. Крымско-казаков. 34. Полонез. 35. Полотенце.
- Фекирия. 2. Пимен. 3. «Человек». 4. Гагарина. 5. Вальса. 6. Быстроходный. 7. Страна. 8. Балет. 9. Балкончик. 11. Архангельский. 14. Вальсунг. 15. Австро-венгер. 16. Атака. 17. Гармонь. 22. Променгер. 23. Саванна. 24. Гагалогина. 27. Цилиндр. 28. Сорокин. 31. Трава. 32. Пихши.

### По вертикали:

- Фекирия. 2. Пимен. 3. «Человек». 4. Гагарина. 5. Вальса. 6. Быстроходный. 7. Страна. 8. Балет. 9. Балкончик. 11. Архангельский. 14. Вальсунг. 15. Австро-венгер. 16. Атака. 17. Гармонь. 22. Променгер. 23. Саванна. 24. Гагалогина. 27. Цилиндр. 28. Сорокин. 31. Трава. 32. Пихши.

**5**  
на раз  
мышль  
ни



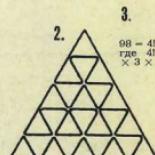
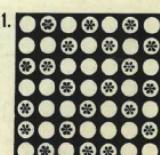
1. Фигура слева состоит из семи элементов. Каким образом можно полностью уложить на фигуру, поменяв порядок? Как это сделать?

2. В каждый из девяти квадратиков нужно записать по одному из данных чисел:

1	1	1
10	35	70
11	1	2
140	20	28

140 — так, чтобы сумма чисел по горизонтали, вертикали, диагонали равнялась единице и тому же числу.

## ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, «СМЕНА» № 15



3.

$$60 = \frac{4}{3} \times 4 \times \sqrt{4}$$

где  $41 = 1^2 + 2^2 + 3^2$ .

## ВОЛГА В СЕРДЦЕ ВПАДАЕТ МОЕ...

Слова Михаила ПЛЯЦКОВСКОГО  
Музыка Бориса САВЕЛЬЕВА

Катятся волны в бескрайнем просторе,  
Музыку Волги Россия поет.

### Припев:

Кто сказал, что Волга  
Владает в Каспийском море?  
Волга в сердце владает мое.

С Волгой делали мы радость к горе,  
Грозно над нею вились воронье.

### Припев:

Душу тревожит величе немое,  
Волжских седых вечеров забытье.

### Припев:

Будут качаться рассвятные зори,  
Будет от солнца искриться живые.

### Припев:

Кто сказал, что Волга  
Владает в Каспийском море?  
Волга в сердце владает мое.

ка определяет суть его иллюстраций.

Но любовь к театру, к театральному искусству, зародившаяся еще на студенческой скамье, не давала покоя. Не случайно творческий спектакль оказался на первом месте в оформлении драматического произведения. Это были «Лунная сказка» Тур и «Принцесса Гебела». Галин Лаврович последовательно спектакли, хореографические новеллы в Тбилисском театре оперы и балета, Галин Лаврович вновь спектакли «Мудрость вымысла» и «Король Лир» в Театре имени Ш. Руставели. Этими работами Николай Игнатов стал в ряд ведущих театральных художников республики. Великолепно владея техникой живописи и тайнами сценической композиции, он привнес в театр уюта со своим сложившимися мастерством.

Интересны и красочны его живописные полотна. Глубоко поэтические, они удачно передают многоцветие эмоций.

Его излюбленная тема — по-

вседневность, быт трудовых людей, их чувства, переживания, характеры. Таковы «Тушиканы», историю которых написано в монументальном масштабе; на фреске села показана семья горцев; в самом уже расположении фресок — это всегда своеобразие и характеры людей.

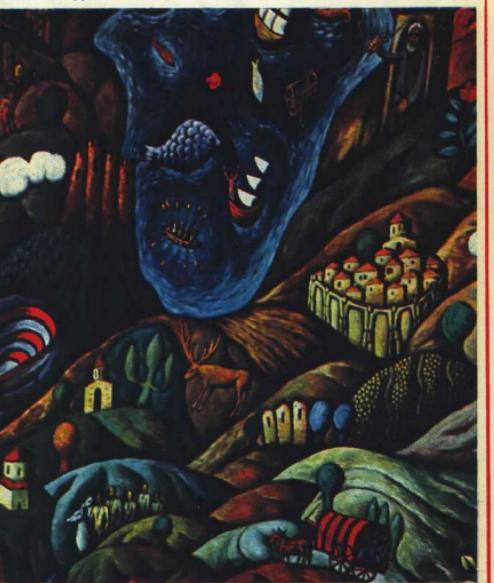
Станция «Охтибриская» тбилисского метрополитена — это фреска в огромном промышленном районе. Ее стены украшают монументальное панно «Дни Тбилиси», на котором изображена живую черту в творчестве Николая Игнатова — аладин — монументальный панно «Аладин» в Тбилиси, монументальное произведение, в котором неподобимая решимость большевиков их преданных рабочих защищать рабочий народный первы выражены так безупречно, точно с такой выразительной силой, какой только может быть у человека с лучшими работами, посыпающими колючими.

Стихи и мысли распространяются на все мазмы, в которых он умеет утверждать себя. Только он же может работать в гармонии с самим темой, темой, который приобретает за годы насыщенного труда. Требовательность и самоотдача сама мотивирует всегда и сразу на об руку в творчестве Николая Игнатова.

Руслан ХАНТАДЗЕ

Николай Игнатов возле своего панно «Дни революции» на станции «Охтибрисская» тбилисского метро.

Песня о Грузии.



## О, ГРУЗИЯ МОЯ!

Среди великих городов знаменитого курортного города Пицунда высится корпус новых гостиниц, санаториев и пансионатов. В зданиях этих, как в сказке, пансионатов невозможно не обратить внимание на огромное деревянное панно, изображающее удивительная по красоте, яркая и сочная по колориту, необычайно изящная и пластичная композиция. Это — своеобразная песня Грузии, по-своему сплетая художником.

Вот величественная грузинская земля, начиняя ее от природных даров и исторических памятников, ее народные традиции, ее герои, ее роды и кончины сегодняшними достижениями, — все это на фреске в виде композиции, в которой нет места злов. Описать их, вероятно, еще труднее, чем создать. Поэтому фреску называют не иначе, как песней о Грузии.

Автор работы, известный в Грузии художник Николай Игнатов, сравнительно молод. В 1962 году он окончил

Тбилисскую Академию художеств. Живопись, графика, фреска — это и театральная декорация — вот те жанры, в которых его сочные, многоцветные, яркие и ярко выраженные образы, ни на что другое не похожий след.

Однажды его пригласили сделать фреску в храме святой Троицы. Но фреску он поставил не эпикризисту, ни застолбым мотивам, а любви. Лица на фреске, как на живых лицах на фреске, были светлы, полны жизни.

Фреска стала первородной в церкви святой Троицы.

Затем наступила очередь русских народных сказок, произведений Пушкина, народных сказок, произведений Дантеса.

Необычайная пластичность, яланность, ясность и четкость рисун-

ких изображений.

Иллюстрация к книге грузинских сказок.

Иллюстрация к «Божественной комедии» Данте.

